

ВЕРА РЕДМОНД

ЛЮФТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вера Редмонд

Лофт

«Автор»

2025

Редмонд В.

Лофт / В. Редмонд — «Автор», 2025

Лофт — это временное жильё. Но иногда ты застреваешь в нём дольше, чем планировал. Эйвери Коллинз — документалистка. Строгая, вымотанная, живущая в ритме дедлайнов и внутреннего самоконтроля. Грейсон Митчелл — известный рок-музыкант. Всё с ним: алкоголь, женщины, раздолбанная психика, талант, за который ему всё прощают. Он сводит людей с ума. Иногда — случайно. Чаще — намеренно. Они делят кухню, стены, бытовые звуки. Она не хочет знать его ближе. Он не хочет ни перед кем открываться. Но в тесном пространстве слишком многое становится слышно. И музыка — не единственное, что проникает под кожу. Это не роман о спасении. Это роман о тех, кто не просил ничего — и всё равно получил друг друга. Не вовремя. Не по плану. Не по правилам.

© Редмонд В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	10
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	16
ГЛАВА 6	20
ГЛАВА 7	28
ГЛАВА 8	30
ГЛАВА 9	32
ГЛАВА 10	34
ГЛАВА 11	36
ГЛАВА 12	38
ГЛАВА 13	41
ГЛАВА 14	44
ГЛАВА 15	46
ГЛАВА 16	49
ГЛАВА 17	51
ГЛАВА 18	54
ГЛАВА 19	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вера Редмонд

Лофт

ПРОЛОГ

Утро началось нормально. Кофе, переписка с редактором, последние правки титров. За окном моросил дождь, а я пыталась не нервничать. Сегодня выходил мой первый большой фильм. Не репортаж, не короткая статья – настоящее расследование. "Голос за сценой: мужчины с влиянием". Полгода работы, десятки интервью, перепроверка каждой цитаты. Всё было чисто. Профессионально. Но дрожь под кожей сидела – как перед прыжком в ледяную воду. Прыгнуть – легко. Остановиться – невозможно. В этом и суть публицистики. Особенно, когда ты наступаешь кому-то на горло.

Первые часы всё шло по плану. Просмотры росли, комментарии были ожидаемыми. "Смело", "провокационно", "очередная истеричка". Стандартный набор. Я даже успела немного расслабиться. На несколько минут почувствовала, что могу дышать.

Пока не пришло сообщение от Райана.

"Ты это видела?"

Скрин.

Твит.

@graythefuckup:

"Очередная недотраханная фемка, которая втайне мечтает переспать с музыкантом, но вместо этого пишет километры херни о "культуре насилия". Господи, как же скучно."

Грейсон Митчелл.

Лидер Window Left Open – группы, что стабильно собирала стадионы, чьи песни были в топах всех чартов альтернативной музыки уже последние лет пять. И один из немногих, чьи песни были моим guilty pleasure. Как человек он был мне неприятен до скрежета в зубах, но его музыку я никак не могла заставить себя удалить из плейлиста. Те самые треки, которые включаются в наушниках автоматически, как только становится плохо. Как только хочется спрятаться. И теперь они пахли отвращением.

Я не удивилась его реакции.

Грей всегда был импульсивным. Никогда не фильтровал, что говорит. Скандалы, сорванные интервью, аморальные твиты, драки за кулисами – это был его стиль так же, как и его рваная музыка. Он плевал на имидж. Плевал на последствия. Иногда это выглядело как вызов, иногда – как саморазрушение. Он прожигал себя, и делал это красиво. И на это смотрели, как на шоу.

Но в этот раз удар пришёл в меня.

Не потому, что я ему что-то сделала лично. Нет. Просто зацепила в фильме его друга – музыканта, с которым они часто записывали фиты для Window Left Open. Один из тех, чьи истории про "настоящую любовь" за сценой вдруг приобрели странные оттенки, если слушать их внимательнее.

Грей не разбирался.

Уверена, он даже не знал, кто я.

И, как всегда, отреагировал: быстро, грубо, не думая. Словно бросил бутылку в толпу и даже не посмотрел, кого задело стекло.

И за ним – волна.

Его фанаты вцепились в меня, как в красную тряпку. Комментарии. Угрозы. Анализ каждой моей статьи. Мемы с моим лицом и подписями типа "грязная феминистская шлюха".

Редакция пыталась держать фасад: "Всё хорошо, мы тебя поддержим". Но я видела, как редактор нервно сглатывал во время общих созвонов и просил меня "пока не отвечать".

Я не отвечала.

Потому что знала: если вляпаешься в срач с кем-то вроде Грея – проиграешь в любом случае. Он не спорит. Он сжигает. И если влезешь – сгоришь тоже.

Я выключила телефон. Пошла в спортзал. Натянула перчатки. Била грушу до того момента, пока руки не ныло.

Когда вернулась домой, выжатая до нитки, я всё ещё слышала в голове его голос. Скрипучий. Сорванный. Он так пробирал меня, что хотелось выть.

И всё равно – в этом голосе было что-то такое, от чего трудно было оторваться.

Он въедался. Как пластинка, заевшая на слове "сука", которую ты всё равно не выключаешь.

Даже тогда.

Даже сейчас.

Грей жил в том же месте, что и Райан, мой лучший друг еще с универа. Здоровенный промышленный лофт в Вильямсбурге, переделанный в жильё для четверых. Для меня вообще всегда было странно, что Митчелл до сих пор живет в этом месте, наверное, это какая-то звездная придурь, жить как вчерашний студент, когда можно купить себе особняк с лифтом и слугами в каждой комнате. Или, может, это был способ прятаться от пустоты – держать вокруг себя чужие шаги, чужой шум, чтобы не слышать, как гремит внутри.

Я бывала там пару раз – на вечеринках или просто заскакивая к Райану.

Но с Грейсоном почти не пересекалась. Он или был на гастролях, или запирался в своей домашней студии. И, может быть, так было лучше.

Потому что если этот человек был отборной сволочью даже онлайн – я не особо хотела узнавать, каким он может быть в реальности.

Но иногда, даже когда ты закрываешь дверь, звук всё равно просачивается через стены.

ГЛАВА 1

Я останавливаю машину у кирпичного здания, и вот оно – моё новое пристанище. Просторный, стильный лофт, который Райан каким-то чудом успел для меня придержать, пока я съезжала со своей предыдущей квартирки на окраине Бруклина. Большие окна, кирпичные стены, урбанистическая эстетика – всё идеально. Почти. Потому что есть один маленький нюанс, о котором мой дорогой лучший друг так "случайно" забыл упомянуть.

Грейсон. Я думала, что это он съехал, у него денег уже давно достаточно, чтобы выкупить этот лофт да и все это здание целиком. Но оказалось, что уехал их милый и спокойный сосед-биолог, улетел куда-то на север Европы, наблюдать за микроорганизмами или чем-то в том роде. А этот отвратительный гад почему-то все еще здесь.

Я вздыхаю и заглушаю мотор.

Конечно, я знала, на что иду. Этот район мне нравится – во-первых, до работы теперь не час на метро, а пятнадцать минут пешком. Это означает, что я смогу спать дольше, а не торчать почти час в набитом вагоне с чужими локтями в лицо.

Мы с Грейсоном почти никогда не пересекались лично, Райан всегда меня уводил до того, как этот ублюдок успевал появиться и уж тем более что-то сказать. Особенно после того случая.

Это было где-то год назад. Я делала фильм-расследование о сексуальном насилии в музыкальной индустрии. О том, как известные и не очень музыканты пользуются своей властью, как их поклонницы становятся жертвами. Это был большой материал, на который я потратила несколько недель, общаясь с адвокатами, активистами и самими пострадавшими.

Когда фильм вышел, он начал набирать обороты. Его репостили журналисты, правозащитные организации, даже некоторые музыканты. Этот материал мог дать толчок моей карьере.

Если бы не Грейсон.

Он выкатил твит, который мгновенно разлетелся по сети.

Этот твит собрал тысячи лайков, репостов и комментариев, и, конечно, его фанаты сразу понеслись в атаку.

"Может, ты просто завидуешь, что никто из них тебя не трахнул?"

"Какая же ты жалкая, Эйвери."

"Тебе не кажется, что ты перегибаешь? Ты портишь людям карьеру, фемшиза!"

Мне угрожали, закидывали оскорблениями, писали тонны мерзости в личку. Всё это продолжалось недели две, пока не спало само собой, потому что интернет-ненависть быстро ищет новую цель.

А он? Ни слова. Ни оправданий, ни объяснений, даже не попытки стереть твит. Просто продолжил жить дальше, он даже не знал, кто я такая.

Я виню себя, что тогда не смогла переиграть эту ситуацию в свою пользу, что была слишком слабой. Что позволила ему стать точкой в истории, которую я хотела сделать началом.

Но это не единственная причина, почему он вызывает у меня приступы тошноты.

Он и есть этот грёбанный культ.

Его музыка – это оды депрессивному эгоцентризму, а его интервью – бесконечный поток токсичного дерьма.

"Всё это нытьё про права – просто очередной способ не брать ответственность за свою жизнь."

"Феминизм – это попытка сделать слабость достоинством."

"Если ты никчёмный, никто тебе ничего не должен. Неважно, какого ты цвета. Никто не обязан давать тебе право голоса. Никто не обязан делать твою жизнь легче."

Каждый раз, когда он открывает рот, мне хочется бить его по лицу.

Что, конечно, совсем не связано с тем, что его музыка у меня все еще скачана в плейлистах. Совсем. Даже если у меня есть его альбом, и я до сих пор включаю его в наушниках так, чтобы никто не знал. Это ничего не значит. Это просто удивительно, что такая сволочь делает такую музыку. Я миллион раз пыталась перестать его слушать, но пока мои попытки безуспешны. Мне самой от себя противно, но пока перебороть это не получается.

Я вылезаю из машины и открываю багажник, вытаскивая первую сумку. В этот момент слышу, как кто-то театрально вздыхает у меня за спиной.

– Эйвери, ты приехала, наконец-то. Я уж начал думать, что ты развернулась и сбежала. Давай помогу.

Райан. Мой спаситель, мой ангел, мой лучший друг. Как всегда выглядит так, будто только что вернулся с модной съёмки в Париже. Высокий, утончённый, с безупречно уложенными светлыми волосами и вечной аурой ненапряжённого шика. Он подходит ко мне с фирменной ухмылкой и хватает коробку.

– Как тебе место? – спросил он, кивая на здание.

– Райан, я тут была раз сто, – напоминаю я. – Ты знаешь, как мне нравится этот район, да и сам лофт. Честно говоря, у меня смешанные чувства, и радость, и сомнения. Одно дело приходить в гости, а другое – знать, что мне теперь придётся слушать Грейсона 24/7. И это я не о музыке, конечно же.

– О, он тебя размажет, если узнает, что ты тайно любишь его треки, – ухмыляется он.

– Нет, не смей, никто не должен никогда узнать об этом позоре, – бурчу я, балансируя с чемоданом. – Кстати, спасибо еще раз, что подсветил мне этот лофт, когда твой бывший сосед укатил в свою норвежскую сказку. Жаль, конечно, что ты до последнего не говорил, что это не рок-звезда решила покинуть здание. Но все равно, ты лучший.

– Я знаю, – самодовольно кивает Райан. – Ну, заходи, посмотрим, как ты воспримешь это место в новом статусе.

Мы заходим внутрь, и первое, что меня поражает – это насколько здесь уютно и стильно. Высокие потолки, много света, мягкая мебель. Почти идеально. Если бы не одно "но".

Громкая музыка. С гитарными риффами. И знакомым до боли голосом.

О нет.

Райан прикрывает глаза рукой.

– Ну, естественно... Я надеялся, что пока мы выгрузим твои сумки, они закончат, – бормочет он.

А потом – женский стон.

Я зависаю, мысленно прокручивая сценарии своей будущей жизни в этом доме. Вариант "сбежать прямо сейчас" кажется очень привлекательным. Музыка Грейсона гремит на полную, а какие-то недвусмысленные звуки доносятся сквозь стены. Ну, это просто отвратительно. И почему-то смешно. И глупо.

– Это какой-то новый уровень нарциссизма, – смеюсь я, указывая в сторону источника шума. – Он, получается, занимается сексом под свои же треки? Он возбуждается от своего же голоса?

Райан ухмыляется:

– Ну, он себя любит, тут не поспоришь. И вероятно, девчонка – это очередная фанатка. Они оба любят его, так сказать.

– Я просто постараюсь бросить все свои силы на то, чтобы абстрагироваться от этого идиотизма, – вздыхаю я. – Скажи мне, какая комната моя, и я попробую смириться со своей судьбой.

– Вторая справа, прямо напротив комнаты Грея, – с каким-то саркастичным сочувствием говорит он. – Но ты же понимаешь, что это будет хотя бы весело?

– Райан, я это поняла ещё когда услышала, что он трахается под свои же песни, – отвечаю я.

– Я хочу тебя успокоить напоминанием о том, что он отсутствует большую часть времени на гастролях или в студии, так что стакан скорее на две трети полон, – оптимистично говорит Райан. – Ну и места шикарнее за такие деньги ты не найдешь.

Я вхожу в свою комнату, напоминая себе, что я взрослая, независимая женщина, которая не позволит какому-то конченому рок-музыканту испортить ей жизнь.

Здесь просторно и уютно. В углу стоит мягкое кресло, я сразу вытаскиваю из коробки плед – серый, с грубой вязкой, мой любимый, и кладу на него. У стены – рабочий стол, пока ещё пустой, но скоро я завалю его ноутбуком, записями, кружками с остывшим кофе. На подоконнике – стеклянная пепельница с зажигалкой, которая почему-то оказалась со мной со времён колледжа.

Огромные окна выходят на улицу, откуда видно мерцающие огни города. Я бросаю взгляд на свою кровать – широкую, с тёмно-синим покрывалом, которое мне подарил Райан, типа на новоселье.

И, что самое важное, собственная большая ванная.

Плевать на засранца-соседа, у меня хватит сил не обращать на него внимания.

ГЛАВА 2

Я захлопываю дверь такси так, что звук отдаётся гулом в тишине ночи. Громко. Нарочито. Чтобы хоть что-то прорезало это глухое, вязкое чувство внутри. Плевать. Иначе бы заорал. Закуриваю. Вдыхаю. Выдыхаю. Никотин проскальзывает внутрь лёгкими змеиными кольцами. Виски уже не держит. А это меня бесит. Мне сейчас нужно, чтобы глушило. Чтобы мир не был таким резким, как бритвенный край. Толкаю дверь лофта, захожу внутрь. Тишина. Чистая, стерильная, холодная. Как после взрыва. Как будто здесь никто не живёт. Меня передёргивает. Здесь не должно быть так тихо. Скидываю куртку прямо на пол. Разуваюсь там же. Пусть этот дом хоть немного дышит. Подхожу к колонкам, включаю музыку. Bring Me The Horizon подойдут отлично. Громко. Так, чтобы басы сотрясали воздух, чтобы звук заполнил пустоту. Открываю холодильник. Нахожу пиво. Вискаря нет. Райан. Этот грёбаный моралист после моего последнего запоя решил, что теперь мы "следим за здоровьем". Чушь. Делаю глоток. Горькое. Мерзкое. Пойдет. Валюсь на диван, закидываю голову, закрываю глаза. Нормально. Хотя бы что-то в этом мире работает так, как надо.

А потом —

Громкие шаги. Чужая злость наполняет пространство ещё до того, как я открываю глаза. Эйвери. Новая соседка. Райан вроде говорил, что она въедет на днях. Стоит в дверном проёме. Злитесь так, что воздух становится тяжёлым. Окей. Мы почти не знакомы. Я знаю, кто она, конечно. Подруга Райана. Журналистка. Из тех, кто считает своим долгом "открывать людям глаза". Обожаю таких. Они так быстро выходят из себя. Но сейчас мне будто вообще плевать. Она смотрит на меня так, будто уже мысленно бьёт меня пультом по лицу. Невысокая, стройная, но какая-то слишком подтянутая, жилистая. Волосы длинные, рыжеватые, глаза почти такого же цвета, типа янтарные. На ней футболка с какой-то группой, мешковатая, но из-за пижамных шорт в мелкий цветочек кажется, что это всё вообще не сочетается. Над локтем мелькает татуировка — тонкие линии, конечно же что-то супер символическое, но мне лень разглядывать. Ногти тёмные. Руки сжаты в кулаки. Плечи приподняты, челюсть как камень. Она готова разнести меня к чёртовой матери. Я ухмыляюсь.

— Какого хрена, Грейсон?!

Голос низкий, злой, без намёка на испуг. Она не боится. Меня. Моего тона. Моего состояния. Она и не понимает, что надо. Ну что ж. Я лениво потягиваюсь. Не утруждаю себя убавить музыку.

— У нас что, комендантский час теперь?

Она делает шаг ближе. Автоматически — чистый инстинкт — я тоже. На секунду между нами остаётся совсем мало пространства. Она замечает это и тут же скрещивает руки, будто создавая между нами барьер. Я вижу это и нарочно немного откидываюсь назад, принимая небрежную позу. Твоя попытка установить границы не работает, детка.

— Нет, но в этом доме есть люди, которым не насрать на уважение друг к другу. Кроме тебя, разумеется.

Голос — как нож. Резкий, холодный. Я смотрю на неё и ухмыляюсь шире.

— Люди? Кто? Райан? Он привык. Лорен? Она всегда спит как убитая, если она вообще дома. А ты? — Я прищуриваюсь. — Я про тебя вообще забыл. Но мы тут типа на равных. Так что, может, просто вставишь беруши и отвалишь?

Она закатывает глаза. Челюсть сжимается. Она правда хочет меня ударить.

— Я просто хочу спать, — рычит она.

Я делаю вид, что думаю над её просьбой. Потом медленно тянусь к пульту и чуть приглушаю музыку. Не выключаю. Только делаю тише.

— Вот, видишь? Я иду навстречу, слышу твое мнение, всё, как ты любишь, — ухмыляюсь.

Она смотрит на меня так, будто всерьёз размышляет, не прибить ли меня прямо сейчас. Но вместо этого лишь коротко кивает.

– Скажу честно. Ты мне очень неприятен, Грейсон.

Я усмехаюсь, но внутри щёлкает что-то странное. Бросать в лицо такие слова – это честно. Это редкость. Мне такое обычно не говорят. Неожиданно мне это нравится. Что-то в этом прямом огне цепляет. Без страха, без игры, без попытки впечатлить. Просто честно.

Я разворачиваюсь, падаю на диван, откидываюсь на спинку и смотрю, как она уходит. Она не хлопает дверью. Но я уверен – если бы не её заикленность на уважении к окружающим, она бы хлопнула ей со всей силы.

Я делаю ещё один глоток пива. Пойманный адреналин ещё играет в крови. Откидываю голову назад, провожу рукой по лицу. Какого хрена вообще сейчас было? Она меня будто бы бесит. Но что-то в её злости было цепляющим. Настоящим. Неподдельным.

Я ставлю пиво на пол, беру пульт и щёлкаю громкость ещё раз – вниз. Звук глохнет до фонового гудения. И тут же слышу знакомую строчку. Из своей же песни. "Ты хочешь, чтобы тебя спасали, но царапаешь всех, кто к тебе тянется." Чёрт. Сам себя заколол.

Добро пожаловать в свою новую реальность, детка.

ГЛАВА 3

Я всегда знала, что пространство – это половина состояния души. В старой квартире стены давили, воздух был тяжёлым, а соседские скандалы звучали, как бесконечный саундтрек к моему существованию. Я пыталась наполнить тот уголок чем-то своим – книгами, свечами, картинами. Но плесень в ванной и холодные батареи всегда напоминали, что это не мой дом, а просто место, где я временно живу.

Этот лофт – другое дело.

Здесь высокие потолки, кирпичные стены, огромные окна. Свет попадает внутрь мягкими лучами, отражаясь от деревянного пола с потёртостями, оставшимися от предыдущих жильцов. Старые балки на потолке контрастируют с современной мебелью, а открытая планировка создаёт ощущение пространства, в котором дышится свободно. Здесь можно заваривать кофе на широкой бетонной кухонной стойке, расставлять книги в хаотичном порядке на металлических стеллажах у стены, заваливать комнату подушками и пледами, чтобы создать уголок, который будет только моим. Здесь у меня наконец есть нормальная личная ванная – просторная, с чёрно-белой плиткой в винтажном стиле, круглым зеркалом в золотой оправе и широкой стеклянной перегородкой в душевой, на которой всегда остаются следы пара. Этого уже достаточно, чтобы считать это место домом. Почти.

Я быстро выстраиваю ритм жизни, который мне удобен.

- Утро: завтрак, тренировка, душ, кофе.
- День: работа, редакция, встречи, тексты.
- Вечер: прогулки, книги, друзья, сериалы под пледом.
- Дополнительный пункт: игнорировать Грейсона.

Но этот пункт сложнее, чем кажется. Потому что он – как случайно скачанный вирус в системе. Я не вижу его, но он есть. Музыка сквозь стены. Сигаретный дым в общем коридоре. Голос, обронённый в телефон, когда он проходит мимо моей двери. Он в этом пространстве, он в нём двигается так, как будто владеет им. А мы его гости. И это вызывает раздражение, сравнимое с нестерпимым зудом в одном месте, до которого невозможно дотянуться.

– Мне кажется, у него дефицит внимания.

Райан отрывается от камеры, задумчиво смотрит на меня.

– Думаешь, того, что он собирает стадионы, ему недостаточно?

Мы сидим в его комнате – самом эстетичном месте в этом лофте. Если моя комната – это рабочая зона с минимализмом, то его пространство – это галерея его собственной жизни. Полароидные снимки, приколотые к стенам, стопки журналов, книги по архитектуре, дизайну и фотографии, линзы и объективы, хаотично разбросанные по столу. В воздухе пахнет дорогими духами, плёнкой и свежесваренным травяным чаем. Я сижу с бокалом вина, подтянув ноги на диван.

– Ладно. Тогда у него его профицит.

Райан смеётся, снимает очки, протирает их подолом свитера.

– Что конкретно он опять сделал?

– Он существует.

Райан закатывает глаза.

– Журналистика, мать её. Факты, Эйвери. Где факты?

Я фыркаю.

– Окей. Он играет по утрам и ночам, раскидывает бутылки и окурки по кухне, постоянно водит кого попало и в целом ведёт себя так, будто это его личное королевство.

Райан поднимает бокал.

– Но в твою комнату он же не лезет.

Я вздыхаю.

– Это единственное, что его спасает.

Райан улыбается.

– Боже, Эйв. Ты иногда звучишь так, будто он твой заклятый враг.

Я смотрю на него с лёгким прищуром.

– Это глупо. Ты знаешь, что я не злопамятная. Он просто очень мне неприятен.

Лорен – колумбийка, с выразительными чертами и тёмной кожей, волосы у неё всегда завязаны в пучок, из которого выбиваются пряди. Её движения тихие, почти кошачьи, а глаза – внимательные, как у людей, которые привыкли слушать больше, чем говорить. Единственная в этом доме, кто умеет не шуметь. Обычно она сидит у себя в комнате или в общей гостиной, рисует новые эскизы татуировок для своих клиентов. Мы уже пересекались раньше, когда я просто приходила к Райану, – короткими разговорами на кухне, на общих тусовках, дружеским "привет" в коридоре. Она никогда не задаёт лишних вопросов и никогда не лезет в чужие дела.

Сегодня мы снова пересекаемся перед работой на кухне. Я сажусь напротив, ставлю рядом кружку с кофе. Кухня – это одно из самых атмосферных мест в доме. Деревянные шкафы с открытыми полками, на которых хаотично расставлены тарелки и чашки разного цвета и формы, массивный обеденный стол, за которым можно сидеть часами. Над ним – индустриальная лампа, дающая мягкий, рассеянный свет, который делает утро менее резким.

Лорен скручивает сигарету, задумчиво проводя пальцем по пыльной столешнице.

– Хочешь?

Я качаю головой.

– Куришь?

– Скорее нет, чем да.

Она перекатывает между пальцами, потом зажигает. Я смотрю, как пепел медленно оседает на край пепельницы.

– Тебе здесь нравится жить?

– Нормально, – отвечает она, стряхивая пепел.

– Грейсон не бесит?

Лорен усмехается, смотрит на меня из-под тёмных прядей.

– Он просто громкий. Я привыкла, наверное.

– То есть тебя не раздражает его голос и шум?

Она пожимает плечами.

– В какой-то момент перестаёшь его замечать.

Я смотрю на неё с недоверием.

– У тебя медитация какая-то особая?

– Просто не трачу на него энергию. Он бывает нормальным, поверь. Даже душевным.

Я хмыкаю, делаю глоток кофе.

– Я могла бы написать диссертацию о том, почему он худший человек на планете.

Лорен усмехается.

– И всё же ты здесь.

Я закатываю глаза.

– Это называется жертва во имя лучшего жилья.

Она не отвечает, но я вижу, как уголки её губ слегка приподнимаются. Мы сидим молча, пока Лорен не тушит сигарету и не поднимается.

– Если захочешь тату, скажи.

Я провожу пальцем по краю кружки.

– Ты первая в моём списке.

Она кивает, выходит из кухни. Мне нравится, что она не требует разговоров.

ГЛАВА 4

Этот лофт – единственное место, которое я по-настоящему считаю своим. Не потому, что у меня нет денег на что-то лучшее. Не потому, что я не могу купить себе отдельный дом с дурацкими мраморными колоннами и идеальной акустикой в спальне. Не потому, что мне нравится делить кухню с тремя совершенно разными людьми, каждый из которых в той или иной степени меня раздражает. Я остаюсь здесь, потому что не могу уйти.

Этот лофт был первым местом, куда я въехал по-настоящему сам. Я сам его выбрал, когда у меня появились первые деньги. До этого я жил в тесной конуре с обшарпанными стенами и вечным запахом чужого ужина, который впитывался в одежду. Окна выходили на кирпичную стену, сосед снизу вечно смотрел телевизор на полной громкости, а когда ночью в ванной включали воду, трубы взывали, как раненый зверь.

Когда я подписал первый нормальный контракт, я уехал оттуда сразу. Этот лофт тогда казался мне вершиной свободы. Огромные окна, высокие потолки, стены с кирпичной кладкой, кухня с бетонной стойкой, огромным столом и промышленными лампами. И с тех пор я так и не смог отсюда съехать.

Я мог бы. Уже давно мог. Но не сделал этого. Потому что тишина в пустом доме пугает меня. Она слишком громкая. В ней нет других голосов, кроме одного – моего. А его я стараюсь не слушать.

Этот лофт всегда живой. Здесь всегда чуть слышно, как гремит посуда на кухне, кто-то спускается по лестнице с крыши, где-то далеко Райан напевает, пока возится с плёнками. Даже шум сквозняков через старые окна не похож на молчание – он скорее как фоновая мелодия, которая успокаивает. Если я съеду, останутся только закрытые пространства и стены, которые не разговаривают. Мне нужно что-то, что отвлекает. А этот лофт – как живое существо.

У меня здесь две территории. Первая – спальня. Она самая большая, обычно выглядит так, будто тут только что прошёл ураган: раскиданные на полу тетради с текстами, гитара, недопитые бутылки воды, рубашки, сваленные на стул, а в углу – старый массивный чёрный рояль, который я купил спонтанно и теперь играю на нём только под какое-то совсем странное настроение, которое накатывает раз в полгода.

Вторая – моя домашняя студия. Когда один из моих первых соседей съехал, это была просто пустая маленькая комната без окон. Никто не хотел ее снимать. Никто не знал, что с ней делать. Я забрал её себе. Теперь там звукопоглощающие панели, стойки с гитарами, проводами, куча усилителей, педалей и старых микрофонов, которые я не выбрасываю, хотя половина из них давно сдохла. Я не люблю стерильные студии, где всё выставлено по правилам. Здесь кабель может валяться рядом с пустой бутылкой из-под рома, а старые пластинки могут быть свалены на барабанный стул.

Здесь я контролирую шум. Потому что тишина мне чужая.

Я просыпаюсь от звуков. Я засыпаю со звуками. Потому что в этом доме всегда что-то происходит. Кто-то открывает холодильник. Где-то стучат дверцы шкафов. Сначала шумит вода, потом слышен мягкий скрип двери напротив. Эйвери.

Она не хлопает дверьми. Она делает всё сдержанно, аккуратно, но её присутствие невозможно игнорировать. Она ходит быстро, уверенно, ритмично, как будто её шаги следуют за метрономом в голове. Открывает шкаф, достаёт чашку, включает кофемашину. Каждое движение чёткое, отточенное. Иногда она этим пугает меня – как будто её порядок способен расправиться с моим хаосом. Или как будто она видит, что под ним.

Я тянусь за телефоном, смотрю на экран. Час дня. Окей, значит, я снова лёг в пять. Потягиваюсь, замираю на секунду, слушая звуки. Кофемашина. Эйвери. Глухие шаги по лестнице. Лорен пошла курить на крышу. Райан возится у себя в комнате, ставит музыку. Дом живёт. Это хорошо.

Я встаю, иду на кухню. Эйвери стоит у бетонной стойки, держит кружку, смотрит на экран ноутбука. Лицо напряжённое, сосредоточенное. Я открываю холодильник, нахожу сок, делаю глоток прямо из бутылки.

Она приподнимает бровь, смотрит с насмешкой.

– Ты знаешь, что у стаканов есть цель в жизни? – лениво комментирует она.

Яжимаю плечами, ставлю бутылку обратно.

– Иногда вещи существуют просто потому, что могут.

Она опускает глаза обратно в ноутбук. Перекинуться парой колкостей. Это уже почти утренний ритуал. Я ухожу в студию.

Я закрываю за собой дверь, и тишина больше не пугает. Потому что это тишина, которой управляю я. Я ставлю гитару на колени, пробегаю пальцами по струнам. Сначала хаотично, без ритма. Потом цепляюсь за звук, позволяю рукам двигаться автоматически. Но сегодня всё звучит мертво. Струны под пальцами словно сопротивляются. Всё звучит плоско, будто внутри меня выключили ток. Я слышу только попытку, не музыку.

Стираю запись. Пробую снова. Всё ещё дерьмо. Беру другую гитару. Пробую так. Не то. Бью по струнам сильнее, заполняя комнату шумом. Так лучше.

Когда солнце садится, в квартире становится тепло-жёлто от ламп и уличного света. Лорен сидит за столом, делает наброски в блокноте. Райан что-то редактирует на ноутбуке. Я сижу на подоконнике, пью пиво, слушаю, как город за окном смешивается с музыкой из колонок.

Эйвери в своей комнате. Уже вернулась из редакции. Я знаю, потому что вижу свет ее настольной лампы сквозь матовое стекло двери. Этот дом не молчит. И это хорошо.

Я мог бы уехать. Купить себе стены, потолок, двери с замками, тишину. Но тогда мне пришлось бы остаться наедине с собой. А я ещё не готов к этому диалогу.

ГЛАВА 5

Восемь утра. Выходной. А я уже на ногах. Ненавижу своё тело за встроенные привычки. Даже когда можно выспаться – мозг всё равно щёлкает, как будильник. Я пинаю одеяло, встаю и бреду на кухню, натянув поверх майки худи. Из окна льётся холодный свет. В комнате тихо, пахнет старыми досками и чем-то мятным – Райан опять оставил благовония в коридоре на ночь.

Кофемашина гудит, как будто недовольна. Я ставлю ноутбук на стол, пока варится первая чашка. Таблица раскадровки на месте, дедлайны стоят, всё, как положено. Интервью с этим антииммигрантским клоуном уже у продакшена, теперь только редактировать, вырезать откровенную тупость и оставить нужное. В идеале – шестнадцать минут позора на одного человека. Вышло пятнадцать с половиной. Почти идеально.

Я сажусь на табурет у бетонной стойки, откусываю протеиновый батончик, подбираю нужную скорость прокрутки видео. Тот момент, где он начинает лепетать про "естественные иерархии", пересматриваю уже четвёртый раз – чистая комедия. У него даже уши покраснели, когда я спросила, откуда у него данные по "враждебности культурных меньшинств".

– Сколько ненависти в одном организме, – бормочу я, делая глоток кофе.

На кухню вваливается Райан. Волосы в беспорядке, футболка мятая, под глазами – синяки. Прижимает банку к виску, как будто голова вот-вот взорвётся.

– Ты сумасшедшая, – хрипит он. – Кто просыпается в восемь утра в субботу?

– Люди, у которых интервью в монтаже и совесть в порядке.

Он открывает холодильник, достаёт банку газировки, пинает ногой дверь, чтобы закрылась. Садится напротив, устало облокачивается на локти, прихлёбывает.

– Это то самое интервью? С политиком, который считает, что мигранты захватят Штатен-Айленд?

– Ага. Он начал с "я не против иммиграции", а закончил "у нас должна быть демографическая дисциплина".

– Как ты его не ударила?

– Я вела себя профессионально.

– Ну, блять, скучно.

Я пожимаю плечами.

– Я просто сделала так, чтобы он сам себя завалил. Через восемь минут он начал записываться, через двенадцать – смотреть в камеру, будто в поисках помощи. В пятнадцать я улыбнулась. И он почти расплакался.

Райан делает театральное лицо, а потом качает головой:

– Это было сексуально. В смысле, в политическом смысле. Ну ты поняла.

– Это было чисто по делу.

В этот момент появляется Лорен. Волосы завязаны в неопрятный пучок, на штанах – пятно от краски или чернил. В руках – кружка без ручки. Она зевает, по дороге поправляет очки, садится на табурет с видом, будто ей уже всё надоело, хотя день только начался.

– Кто там расплакался? – спрашивает, грея пальцы о чашку.

– Очередной мужик в костюме, – отвечаю я. – Уверен, что его мнение на тему границ и биологических приоритетов – это откровение века.

Лорен делает глоток, закатывает глаза и фыркает:

– Если бы мне платили доллар за каждую хуйню, которую я слышала о "колумбийцах", я бы уже жила в пентхаусе с камином и видом на Парк-Слоуп.

– Он сказал, что "у латиноамериканцев повышенный уровень агрессии".

– О да. Особенно у моей бабушки. У неё мачете лежало рядом с нитками для вязания. Он бы с ней поговорил, я бы посмотрела.

Райан прыскает в кружку.

– Ты смелая, Эйв. Там у него рейтинг, кампания, спонсоры, а ты ему: "какие у вас источники, сэр?"

Я смущённо качаю головой. Именно ради таких слов я и продолжаю просыпаться по утрам.

– Я просто делаю свою работу.

– Нет, – Лорен вдруг говорит тише, серьёзнее. – Ты даёшь им по зубам. И это видно.

Она смотрит на меня почти тепло. Почти – потому что она не из тех, кто раскидывается комплиментами просто так.

Мы молчим. Кофемашина вздыхает, в комнате пахнет кофе, деревом, чайными листьями и чем-то уютным. Райан медленно зевает, уткнувшись в экран телефона. Лорен курит у открытого окна, не отрывая взгляда от улицы.

Где-то за стеной – звук гитары.

Сначала нерешительные аккорды, потом – что-то более ритмичное. Бас вибрирует сквозь бетон, будто кто-то стучит пальцем по моим нервам. И голос. Приглушённый, но всё равно – слышно.

Я закатываю глаза.

Райан делает вид, что не слышит. Слишком занят телефоном и своей газировкой. Лорен не притворяется.

– Господи, снова, – фыркает она, наливая себе кофе. – У него что, тревожка на фоне тишины?

– Возможно, – говорю я, потягиваясь. – Или он просто убеждён, что весь мир хочет слышать его демки. Без запроса.

– Или это ритуал – отогнать призраков, – лениво вставляет Райан, не отрываясь от экрана. Лорен садится напротив. Аккуратно закуривает. Дым выходит в открытое окно.

– Я, кстати, выходила ночью за водой, – говорит она, будто между прочим. – Где-то в два. И застала Грея. В гостиной. Не один. Девочка какая-то – босиком, в его футболке. И она... она назвала его "господин Митчелл". Серьёзно.

Я чуть не захлебнулась кофе.

– Что?!

– Прямо так. "Спасибо за вечер, господин Митчелл". Я охренела.

Райан сдержанно хихикает. Я – нет.

– Подожди, ПОДОЖДИ. Он сам ей это сказал? Или это её инициатива? Потому что это уже не просто кринж – это какой-то фанфик по "Пятидесяти оттенкам" в нашем лофте.

– Думаю, не просил, – Лорен пожимает плечами. – На его лице было что-то между "ну ладно" и "да пофиг".

– Я не знаю, что хуже, – говорю я. – То, что она это сказала, или то, что его это вообще не смутило.

– Он, по ходу, вообще не смущаемый, – кивает Райан. – Зато девочка сияла. Я с ней пересёкся у двери. У неё был вид: "я спала с рок-звездой, жизнь удалась".

– О боже, – тру лоб. – Мне даже жаль, что я это слышу.

– Я бы записала, если бы могла, – ухмыляется Лорен. – Эйв, вставь это в следующий выпуск.

Мы смеёмся. Тепло, по-настоящему. Но внутри всё ещё что-то свербит. Не на неё – на него. На этот вечно пофигистичный тон, на то, как у него всё сходит с рук.

– Короче, – говорю, – предлагаю коллективную терапию. Остаёмся дома, сериал, вино и тупые сюжеты. Максимум идиотизма, минимум морали.

– О, я за, – оживляется Райан. – Только если будет плед, пицца и кто-нибудь ужасный в кадре.

– Я настроена на "бокал вина до полудня", – улыбаюсь.

– Я бы осталась, – говорит Лорен, – но у меня клиентка. Луна на рёбрах. Вернусь после двух, если вы всё ещё будете бездельничать.

– Будем. Возвращайся скорее.

Она тушит сигарету, подтягивает капюшон.

– И, кстати, Эйв, – оборачивается уже у двери. – Ты круто его поджала. Видно было – он сдуслся на третьем вопросе.

Я не успеваю ответить, но внутри – тепло. Особенно от неё. Она не разбрасывается словами.

Я поворачиваюсь к Райану. Он ухмыляется, с ложкой во рту.

– Ну всё, Коллинз. Утверждение от Лорен. Дальше только награда Пибоди.

Я смеюсь.

На кухне пахнет кофе и ленивым утром.

За стеной – всё ещё голос Грея. Но сегодня он меня не волнует.

Мы с Райаном залипаем на диване – под пледами, с остатками тостов и вином в чашках, потому что бокалов никто не помыл. Love is Blind включён "на фоне", но спустя пятнадцать минут мы оба уже в игре: комментируем каждую реплику, будто от наших замечаний зависит исход шоу.

– Господи, он серьёзно сказал, что чувствует "духовную связь" после ТРЁХ ДНЕЙ?

– фыркаю я, вжимаясь в подушку. – Эти люди – ходячие red flags.

– Мой любимый жанр, – улыбается Райан, закидывая ногу на спинку кресла. – Красные флаги, токсичная тяга к близости и попытки найти любовь под камерами. Потрясающе. Лучшее телевидение на свете.

Мы смеёмся. Не из вежливости, не чтобы заполнить тишину. Настоящий смех.

Вот эта часть – то, чего мне всегда не хватает. Домашнее дуракаваляние. Без напряжения, без ожиданий. Просто быть.

Из-за стены гитара вдруг обрывается – как будто кто-то выдернул кабель из сердца. Через секунду открывается дверь, и появляется Грейсон. Майка прилипла к спине, волосы спутаны, падают волнами на лицо. Позавчерашняя щетина подчёркивает скулы. Он проходит мимо, скользя по экрану ленивым взглядом, и чуть прищуривается.

– О боже. Это вы смотрите? – тянет он. Голос – как всегда: смесь бархата и яда.

– А тебе-то что? – я закатываю глаза, не отрываясь от экрана.

– Просто трогательно видеть, как твой хваленый интеллект сдаёт позиции. – фыркает он и исчезает в своей комнате.

– Какой же ты гад, – бормочу я ему в след.

Райан потягивает вино, не поворачиваясь.

– А мне нравится, когда он такой едкий, – говорит он вдруг.

Я смотрю на него – прищур, одна бровь вверх.

– Райан.

– Что? – он пожимает плечами, всё ещё глядя в экран. – Он секси. Даже когда ведёт себя как полное дерьмо. Особенно тогда, если честно.

– Короче, – резко меняет тему он. – Я хотел тебе рассказать. Есть парень. Винсент.

– О-о, давай, – я выпрямляюсь. – Винсент? Звучит подозрительно стабильно. Кто он?

– Архитектор. Высокий. Носит отвратные ботинки. Типа реально. Я сначала подумал, что он прикалывается. Но потом он приготовил пасту с белыми грибами на кокосовом молоке.

– Всё, хватит. Подсел. – Я тычу в него пальцем. – Уже на крючке. С ботинками и грибами.

– Я просто сказал, что он готовит.

– Ты сказал это с лицом, как будто он при тебе воскресил Иисуса.

Он ржёт. И лицо у него – такое, как в детстве, когда он убежал с урока и никому не сказал.

– Боже, ты невозможна.

– Это ты влюблён. А я просто наслаждаюсь шоу.

Он делает пафосную интонацию, взмахивает рукой.

– Ну вот теперь, когда я буду бывать дома намного реже... – И с придыханием добавляет: – ...ты останешься один на один с Митчеллом. Представляешь?

– Пожалуйста, не бросай меня с ним. – Я хватаюсь за сердце. – Это звучит как наказание за страшные смертные грехи.

Он смеётся.

А я смотрю в окно. На стекле отражаются огоньки с улицы. В квартире тихо, тепло.

И как раз в этот момент – хлопает входная дверь.

Шаги – неторопливые, тяжёлые.

Лорен вернулась.

– Пахнет уютом, – говорит она с порога. – Кто тут создаёт атмосферу?

– Это мы, – машу ей рукой. – Приходи, пиццу закажем, вино уже есть.

– Я за, – отвечает она, скидывая куртку. – Сеанс прошёл быстро. Девочка хотела луну на рёбрах. Я уже набила столько лун, что, кажется, скоро смогу составить карту неба по клиентам.

Она садится рядом, берёт бокал вина. Райан протягивает ей пульт – без слов, на автомате. Она сразу в потоке, словно не уходила. Только усмехается, когда на экране парень снова предлагает любовь "на всю жизнь".

– Он сказал, что она его "эмоциональный дом" спустя сорок восемь часов, – комментирую я. – У тебя бывший так говорил?

– Мой бывший не знал, что такое "эмоциональный", – отвечает она. – Максимум – "куда ставить тарелку". И я была рада даже такому.

Мы ржём. Все трое. Легко, синхронно. Мы такие разные, но это один из тех редких дней, когда всё совпадает. Когда ничего не требует усилий. Когда всё просто есть.

Вино заканчивается. Пицца – тоже.

Шоу – всё тупее. Но именно в этом его сила.

Грейсон больше не появляется. И слава богу. А я сижу на этом тёплом, уютном диване, среди этих людей – и чёрт побери, именно сейчас мне хорошо.

ГЛАВА 6

Просыпаюсь в тишине, но не той – не уютной. Той, что висит в воздухе как недосказанное.

Время – без пятнадцати двенадцать. За окном свет такой, будто мир пытается быть нормальным, а я снова не вписался. Под ногой бутылка. Пинаю. Не специально, просто чтобы сдвинуть хоть что-то.

Сигнал телефона – не будильник, а вибрация сообщений. Рука на тумбочке. Свет экрана режет глаза. Три сообщения от Кевина.

Первое: "Трек по миксу не сдал. Грей, твою мать. До часу в студии будь, ок?"

Второе: "Stone Drop подтвердили интеграцию, выложи сторис с кроссами, только без намёков на то, что ты под наркотой, пожалуйста".

Третье: "Ты выложил фото себя с надписью "я всё равно вас переживу". Грей. Пожалуйста. Что это было?"

Что было – не знаю. Иногда сторис – как выдох, который случайно запустил ракету.

Удалил. Жаль, фраза вчера казалась такой подходящей. Не помню, правда, почему

Захожу в директ. Много женщин. Красивые, отчаянные, влюбленные в меня. У них в голове мои песни. Кто-то прислал войс, как поёт куплет из "Пластика" и плачет.

Я не слушаю – не из равнодушия, просто зачем? Если я сам не могу вспомнить, о чём писал в этой песне.

Встаю. Кожа на спине липкая, тело будто вылеплено не мной. Прохожу в кухню. Кофе. Жму кнопку, стою, курю у окна. На подоконнике – пепельница из пустой банки Red Bull, которую я оставил вчера ночью.

Мои менеджеры забивают холодильник под завязку: ланч-боксы, витамины, сок из сельдерея, вода с электролитами.

Выбираю буррито. Потому что есть нужно. А не хочется.

В коридоре мелькает Эйвери. Уходит, не сказав ни слова. И правильно. Мы не друзья. Мы просто временно совпали в пространстве. Она выглядит как человек, который никогда не сможет меня понять. Поэтому я держусь подальше.

Сажусь на диван с гитарой. Не "играю", просто держу её, перебираю струны, как счётчик мыслей.

Пальцы сами находят аккорд, который я вчера вырезал из демки. Сажу, слушаю, как звучит в тишине.

Иногда кажется, что музыка – единственное, что не врёт. Если ты врубаешь аккорд – он или звучит, или нет.

С людьми так не бывает.

Смотрю на часы. Почти час. Надо выдвигаться в студию. Если повезёт – успеем дописать вторую часть "Октября".

Беру рюкзак. В нём – ноут, флешки, тетрадь с текстами, наушники, полупустой ежедневник, который я таскаю просто так. Как будто это – мой тотем, напоминание, что у меня еще есть шанс хоть что-то держать под контролем.

Выходя, гашу бычок о дно чашки, которую так и не допил.

По пути вниз думаю, что жить на пределе – не романтика, а просто привычка. И всё нормально. Пока держится ритм.

Приехал на студию в начале второго.

Промозглый ветер во дворе, запах мокрого бетона и выдохшейся травки из соседнего офиса. Студия спрятана за чёрной металлической дверью с облезшей надписью «NO SMOKING», на которую давно уже никто не обращает внимания.

Перед входом сидят почти все.

Ти – как всегда, в одном худи на голое тело, курит, щурится, будто утро. Хотя день в разгаре.

Эйс – в широких штанах и майке с каким-то кислотным лого, пьёт кофе из помятого стакана, который держит обеими руками, как будто тот может согреть.

Ленни – на перилах, спина прямая, гитара на коленях. Он подключён к мини-усилителю, играет в петлю, отрабатывает короткий отрезок – может, четыре такта, снова и снова. Лицо напряжённое, будто ему не нравится собственная точность.

Я поднимаюсь по ступенькам. Они все поворачиваются. Не говорят "опоздал", не закатывают глаза. Просто смотрят.

Как люди, которые уже привыкли, что ритм у всех свой, а встречаются они только по касательной.

– Ты живой? – кидает Кевин с порога, держа планшет под мышкой, как портфель учителя биологии.

– Сегодня да, – отвечаю и захожу внутрь.

Он бурчит что-то про дедлайн, озвучивает план. Говорит, как будто пробует быть строгим, но сам не верит, что получится. Не его стиль давить. У него другая фишка – напоминать. Снова и снова. Как будильник без агрессии.

Внутри – как в барабане. Воздух сухой и стоячий. Кто-то забыл кондиционер в режиме «dry», и теперь всё – как после долгого перелёта: нос заложен, глаза режет, горло пересохло.

Я скидываю куртку, бросаю на усилек, который ещё пахнет перегревом и пылью.

Сажусь. Гитара в чехле. Наушники.

Пальцы находят гриф как родной.

Не думаю – просто запускаю руки.

– Давайте ту, которую вчера сводили, – говорит Ти, хлопая себя по колену. – Я там перебрал чуть бит, можно вернуть в исходник.

– Я бы предложил перестроить структуру куплета, – спокойно вставляет Ленни. – Он слишком одинаковый ритмически, вторая половина провисает.

– Только не слишком технично, – говорит Эйс. – А то мы все утонем в схеме.

– Мы и так в ней, – парирует Ленни. – Просто ты не слышишь.
Я ничего не добавляю. Просто киваю – работаем.
Ти стучит щётками, разогревается.

Эйс врубает бас. Но уже на второй минуте слышно: он играет не для трека. Он играет, как будто сдаёт экзамен по памяти.

Ноль связи. Ни с нами, ни с собой.

– Зачем ты это делаешь? – говорю. Голос – ровный, но внутри уже начинает закипать.

Он замирает.

– Ну... так же было вчера.

– Да. И вчера это тоже не работало.

Передвигаю аккорды. Упрощаю структуру. Убираю всё лишнее. Делается проще, злее, прямее.

Меньше украшений – больше давления.

– Бридж выкидываем. Куплет укорочен. Переход – на прямой бит. Без реверса. Вход – сразу.

– Жёстко, – комментирует Ти. – Без воздуха.

– Вот именно, – отвечаю. – Пусть задыхается.

Ленни сразу ловит ход – его правая рука точит ритм как лезвие.

Ти держит грув, но потом сбивается.

– Слишком ровно, теряется движение, – говорит он. – Мы не в попсе.

– Движение будет, когда ты попадёшь в такт, – отвечаю.

Он бросает палочку в стену. Без злобы – просто чтобы отпустить. Она отскакивает, раскалывается. Мы замираем на секунду, а потом ржём. Даже Ленни криво усмехается.

Третий дубль – идёт. Что-то появляется.

Сырые углы. Напряжение.

В этом грязном ритме – как раз то, что нужно.
Наушники. Микрофон.

Пою не «песню». Не про чувства.

Про город. Про привычный шум, про сигналы на перекрёстке, про бетон, который не прощает падений.

Слова не строятся в мысли. Они строятся в ритм.
Кевин из будки машет рукой:

– Вот. Без поэтической хуйни. Просто мясо.
Я киваю. Не потому что это победа – просто понимаю, что больше не выжму.
Пробуем другой трек. Более лёгкий.

Ленни тащит мелодию – чисто, без лишних украшений. Её почти не слышно, но без неё всё бы развалилось.

Работа идёт. Без драм.

Мы спорим. Но уже не для защиты – для точности.
Ти орёт, я огрызаюсь, Эйс лажает на ходу. Палка снова падает, только теперь никто не реагирует. Мы внутри процесса, как в яме, где всё затихает, кроме одного – звука.
Потом кофе.

Сигарета.

Молчим.

Во дворе – пыль и вонь от мусорного контейнера. Кто-то в соседнем здании орёт в телефон.

Воздух плотный, как ткань, которую нести на плечах.
– У меня соседи сверлят с шести утра, – говорит Эйс, облачиваясь на перила. – Как будто у них стены из гранита.

– Через три дня интервью, – напоминает Кевин. – Грей, сделай лицо нормальное. Хотя одно.

– Просто скажи, что музыка – это всё, и будь красивым, – добавляет он, зевая.
Я улыбаюсь. Открываю телефон. Загружаю черновики. Пока ещё есть ощущение: это – моё. Пока не хочется всё стереть.

Сажу в тачке на парковке у студии. Мотор заглушен, но внутри тепло. Окна чуть запотели – дышу, не шевелясь. С улицы доносится глухой бас – кто-то медленно проезжает мимо с открытыми окнами и нуждой быть услышанным.

Курить не хочется, пить не хочется. Просто тишина в салоне, и ощущение, будто день ещё не закончился, хотя давно уже перевалило за шесть.

Нахожу её номер в избранном.

Жму "вызов".

– Алло?

Голос уставший, но бодрый. Такой, как бывает у тех, кто уже весь день на ногах и смирился с этим.

– Привет, – говорю.

– Грейсон, ты жив?

Я улыбаюсь, хотя никто этого не видит.

– Пока да. Ты как?
– Всё нормально. Погода дерьмо, как всегда. Пёс линяет. Колено ноет. Ты хотел, чтобы я соврала?

– Нет, всё по классике. Как Честер?
– Толстеет. Я даю ему меньше еды, а он всё равно толстеет. Он в кого-то, знаешь?
– В деда?
– В тебя, Грейсон. В тебя. Ты до лет десяти тоже толстел будто от воздуха.
– Спасибо, блин.

Она хмыкает.

– Ты сам-то ешь? Или опять на сигаретах и кофе?
– Ем. Даже что-то с брокколи сегодня было.
– О, звучит как ложь.
– Честно.
– А кто готовил?
– Кейтеринг с лейбла. У нас сегодня запись была.
– И как?
– Да нормально. Сложилось вроде.

Короткая пауза. Я слышу, как она открывает холодильник. Звон стеклянной банки о полку. Скорее всего, рагу, которое она всегда делает и потом забывает съесть.

– Я смотрела твоё интервью, – говорит она. – Ты опять сматерился в прямом эфире.
– Да это не эфир был. Онлайн. Кто вообще это смотрит?
– Я. И наш сосед. Он спросил, нормальный ли ты вообще.
– Что ты ответила?
– Сказала, что сносный. Иногда.

Смеюсь. Настояще. Никакой кривой усмешки, просто от теплоты – потому что звучит как что-то родное.

– А ты помнишь, – начинает она, – когда ты впервые сыграл мне свою песню на пианино, а я подумала, что это серенада для той милой девочки из твоего класса?

– И ты разозлилась, когда узнала, что это трек про наркотики и смерть?
– Да. А ты сказал, что это намного круче. Ты был ужасным подростком.
– Ну и взрослый из меня так себе.
– Как сказать.

Тишина опять. Но не неловкая – просто комфортная, как когда оба знают, что больше нечего говорить, но ещё не хочется вешать трубку.

– Я приеду через пару недель, – говорю.
– Говорил уже.
– На этот раз серьезно.
– Ну, посмотрим. Честер тебя, может, и вспомнит.
– Я тебя точно вспомню.
– Ладно, сын. Не забывай есть. Не забывай дышать. Не забывай, кто ты.
– Это последняя часть самая стрёмная.
– Да пошёл ты, хватит ныть, – говорит она, и я слышу улыбку.

Сбрасываю звонок. Смотрю вперёд.

На капоте лежат пожелтевшие листья. Над студией уже темно. Выхожу, хлопаю дверью. Воздух пахнет чем-то резким – как будто подожгли листву. Или асфальт.

Мне было скучно.

Не "нечем заняться" – у меня всегда есть, чем заняться. Гитары не настроены, сэмплы не сведены, менеджер ноет, что надо выложить сторис про новый трек. Всегда есть какое-то дерьмо, которое требует внимания. Но скука – это другое. Это когда ты смотришь на мир и не чувствуешь ничего. Как будто в теле нет ни тока, ни импульса. Только тупое шипение на фоне.

Я валялся на кровати в лофте, слушал, как за стенкой Эйвери что-то передвигает с места на место. Она все еще пытается создать уют в этом месте. За окном кто-то орал на парковке. На столе – бутылка, в руках – телефон. Бессмысленная петля.

Открыл директ в Инсте. Просто на автомате. Куча сообщений. Пары голосовых. Кто-то прислал рисунок. Кто-то фотку в футболке с моим текстом. Кто-то – свои сиськи. Я промотал.

Увидел её.

@emilyisntdead. Забавный ник. Пара сторис с концерта. Подписана на меня с 2022-го. Пишет не часто. Последнее сообщение – "Ты в городе?" Без стикеров, без фанатских визгов. Просто прямой текст.

Я ответил.

"А ты хочешь, чтобы я был?"

Три минуты – и она уже прислала номер. Ещё пять – и мы договорились встретиться.

ОТЕЛЬ в Сохо. Не люкс, не трэш. Средний ценник, много стекла, много серого. Ресепшн отработал без пафоса. Взял номер, поднялся, включил кондиционер. Сел на край кровати, уставился в стену. Почему я это делаю?

Да хуй его знает.

Скорее, потому что могу.

Она пришла через сорок минут. Маленькая, худая, в чёрной юбке, в тонкой майке без лифчика, с большими глазами, в которых было что-то между волнением и азартом.

– Ты правда Грейсон Митчелл, – сказала она и засмеялась, сразу скидывая это с себя, будто стесняется собственной реакции.

– Пока никто не доказал обратное, – ответил я, делая шаг назад, чтобы она прошла.

Она огляделась, как будто ожидала увидеть гроб с алыми розами и золотым микрофоном. Потом повернулась ко мне.

– Ты часто так встречаешься с фанатками?

– Не очень, – соврал я. – А ты часто встречаешься с голосами из своих наушников?

– Первый раз, – усмехнулась. – Это странно?

– Немного. Но кайфово.

Мы говорили ещё минуту. Может, две. Я даже не запомнил, о чём. Её рука оказалась на моём плече первой. Моя – на её талии. Всё было быстро, но не грязно. Без нужды играть страсть. Просто секс. Как будто оба хотели чего-то, чтобы забыть другие желания.

После она лежала, подтянув колени, закутавшись в простыню, и смотрела в потолок.

– Я слушаю твою музыку, когда мне плохо, – сказала она. – Это вроде как терапия. Немного саморазрушения, немного утешения. Не знаю, как это работает, но работает.

Я лежал рядом, глядя в потолок тоже. Не хотел отвечать. Но всё-таки сказал:

– Она и для этого написана. Чтобы резонанс глушил гул.

Она улыбнулась – почти благодарно.

– Ты другой, чем я думала.

– В лучшую или в худшую?

– В реальную.

Мы помолчали.

Я встал, пошёл в душ. Вода лупила плечи, смывая остатки момента. Когда вышел, она уже оделась.

– Спасибо, что не пытался быть кем-то другим, – сказала она, застёгивая куртку. – И что не дал мне почувствовать себя тупой.

– Спасибо, что не включила влюбленную дурочку.

Она засмеялась.

– Я просто довольно реалистично смотрю на жизнь.

Я заказал ей такси через приложение, дал адрес, без слов. Она поцеловала меня в щёку – коротко, почти беззвучно.

– Не пиши мне, не преследуй – сказала она смеясь.

Я засмеялся в ответ.

– Я постараюсь.

Дверь закрылась.

Я сел на край кровати. Прислонился к стене. Протянул руку к телефону – не знаю зачем, просто потому что движение знакомое.

Я не чувствовал ни вины, ни удовлетворения. Просто снова был в точке ноль.

Как всегда.

Ночь в Нью-Йорке всегда пахнет чуть прелой пылью и чьей-то чужой кухней.

Я выхожу из машины и поднимаюсь по лестнице на третий этаж, не дожидаясь лифта. В руке звенят ключи, в другой пакет с мятой коробкой лапши и бутылкой пива. Подошвы липнут к ступеням, как будто сам подъезд устал.

Не включаю свет, когда вхожу в лофт. Не потому что боюсь разбудить кого-то – всем пофиг, кто когда пришёл и ушёл. Просто не хочется нарушать тот полумрак, в котором весь этот дом наконец-то выдыхает.

Сегодня мне это нравится.

Тишина – не звенящая, не пугающая. Просто нормальная. Живая.

Я прохожу мимо кухни, ставлю коробку лапши на бетонную стойку, пиво не отпускаю. Поворачиваю в студию, щёлкаю выключателем у входа, но только на настольную лампу – одну, тёплую. Неоновую херь не врубаю. Не сегодня.

Сажусь на край дивана, беру гитару. Не думаю. Просто на автомате – пальцы пробегают по струнам, нащупывают знакомую прогрессию. Dm, G, Am. Потом бросаю. Не цепляет.

Делаю пару глотков. Лапша пока отдыхает.

Достаю старый винил, который утащил когда-то из квартиры соседа. Elliott Smith. XO. Трек три – “Waltz #2”. Ставлю. Щелчок иглы, и он снова поёт, как будто никогда не умирал.

Я не слушаю себя. Никогда. Это как нюхать собственный пот – слишком много ассоциаций, не туда ведут. А Эллиотт – самое то. Его голос не просит сочувствия, он просто есть. Он в фоновом режиме напоминает, что ты не первый, кто устал.

Выхожу на крышу.

Ночь чуть липкая, не холодная, но неудобная. Луна как будто не в настроении – расплывчатая, без формы. Курю молча. Сигарета тухнет с одной стороны, я не докуриваю. Просто держу её, как повод стоять и не двигаться.

Сажусь на край крыши, вытягиваю ноги, коробка лапши в одной руке, пиво – в другой. Не еда, а ритуал. Поддержание формы. Нельзя же, чтобы менеджер начал срываться и присылать опять белковые завтраки и настаивать на наборе массы и походах в зал каждый день. Он уже был такой период, я чуть не сдох от тоски.

Улицы подо мной как на ладони – машины ползут, кто-то орёт в телефон, какой-то парень несёт пиццу через дорогу вразрез с потоком. В другом окне кто-то моет волосы в душе, видно спину, освещённую слабым светом из бра.

Ничего не происходит, и это лучшее, что может быть.

В голове – ритм. Медленный, глухой, как пульс. Вслушиваюсь. Музыка всегда приходит как простая штука. Как будто ты её не пишешь, а просто ловишь, пока не соскочила с крючка.

В уме строится куплет.

Длинный город, короткий вдох,

Что-то выпито, что-то вброд,

Ты опять уходишь не в гневе —

Просто в ночь. Без слов. Без нот.

Хрень, конечно, но что-то в этом есть. Возможно, начало. Возможно, завтра будет по-другому. Возможно, забуду к утру.

Докуриваю. Выкидываю коробку с лапшой в урну у лестницы, пиво оставляю плескаться на донышке. Возвращаюсь вниз.

На часах три сорок. В лофте всё тот же полумрак. Кто-то оставил свет в гостиной – не моя забота. Музыка в голове не отпускает, но руки уже не хотят гитару.

Захожу в спальню, стягиваю худи. Телефон скидываю на тумбочку. Не гляжу в экран. Пусть горит, если кто пишет. Пусть ждут.

Ложусь. Ровно, без суеты. Знаю, что не усну сразу. Не потому, что есть о чём думать. А потому что мозг – как вечный плеер. Фоном идёт всё. Всё, что слышал, всё, что не сказал, всё, что могло бы стать строчкой.

Дышу. Слышу, как трещит пластинка за стенкой. Оказалось, не выключил. Да и не надо. Пусть играет.

ГЛАВА 7

Грейсон бесит меня.

Нет, он не просто бесит. Он действует на нервы так, что у меня буквально скрипят зубы. Это не раздражение, не досада – это ярость. Каждый его шаг, каждый звук его голоса, каждый его чёртов взгляд.

Как же он меня бесит.

Этот постоянный хаос. Громкая музыка, бутылки и окурки повсюду, вечно новые девушки, которые появляются и исчезают быстрее, чем я успеваю запомнить их лица. Иногда я выхожу на кухню рано утром, а на диване, уставившись в телевизор, лежит очередная незнакомка, одетая в его футболку. В такие моменты мне хочется просто сжечь этот диван к чёртям.

Я не понимаю, как Райан и Лорен терпят его. Может, привыкли. Может, просто научились игнорировать его существование. Я пока не научилась.

Я пытаюсь работать.

Пытаюсь монтировать новый ролик. Интервью с активисткой, которая борется против запрета аборт в своем штате. Тяжёлая тема. Важная тема. Я часами сижу за ноутбуком, вырезаю ненужные паузы, настраиваю звук, подбираю кадры. Я хочу, чтобы этот ролик был сильным, чтобы он заставил людей думать. Я беру ноутбук и выхожу с ним на кухню, чтобы сделать себе кофе. Нужно хоть немного сменить картинку.

И вот, когда я уже почти заканчиваю, дверь с грохотом открывается.

Грейсон вваливается в лофт.

Пьяный. Конечно.

С усмешкой. Волосы взъерошены, мокрые – либо он попал под дождь, либо снова влил в себя что-то, что не стоило мешать. Чёрная футболка прилипает к телу, рваные джинсы, на запястьях болтаются кожаные браслеты, которые выглядят так, будто он носит их лет десять.

Но главное – его глаза.

Карие, почти чёрные.

Темнота без дна, без света. Тяжёлый, прожигающий взгляд, от которого хочется отвести глаза.

Я даже не удивляюсь.

– О, ты опять за своим ютубчиком? – голос тянется лениво, с насмешкой. Он проводит рукой по волосам, встряхивает их так, что капли падают на пол. – Очередная борьба за справедливость? Как трогательно и бесполезно.

Я сглатываю раздражение и не отвечаю. Не хочу. Не сейчас. Я слишком устала.

– И о чём на этот раз? – не отстаёт он, заглядывая мне в экран.

Я медленно поворачиваю голову.

Он слишком близко.

От него несёт виски и сигаретами, а ещё – чем-то металлическим, не могу понять чем именно. Капля воды падает с его волос прямо на столешницу между нами. Я чувствую жар в груди, но не от смущения – от злости.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь не сорваться.

– О праве женщин распоряжаться своим телом, – холодно отвечаю я.

Грейсон ухмыляется.

– О, значит, опять аборт? Отлично. Как же без этого.

Я закрываю ноутбук с таким звуком, будто это не крышка, а дверца сейфа.

– Что ты хочешь сказать? – голос ровный, но внутри всё кипит.

Он чуть наклоняет голову, смотрит на меня, как будто изучает.

– Что я хочу сказать? – он усмехается. Неровно, дерзко. – Что все эти вопли про права – просто попытка избежать ответственности. Все хотят свободы, все хотят трахаться с кем попало и как попало, но никто не хочет отвечать за последствия.

Меня разрывает изнутри.

Сердце бьётся слишком быстро.

В груди нарастает жар, будто меня облили кипятком. Челюсть ноет от того, что я сжимаю зубы.

– Ты серьёзно? – я встаю, стискивая кулаки. – Ты, человек, который всю жизнь делает, что хочет, сейчас пытаешься рассуждать о том, как другие должны распоряжаться своими жизнями?

– Я говорю, что если ты создаёшь жизнь, ты за неё отвечаешь, – пожимает он плечами. Легко. Как будто это не спор, а просто очередная шутка на вечер. – Но кому сейчас нужна ответственность, верно? Проще убить, чем справляться с последствиями.

Моё сердце грохочет в ушах.

– Ты называешь это убийством? – мой голос дрожит, но не от страха. От ярости.

Он опирается спиной о стену, наклоняет голову чуть вбок.

Глаза не моргают.

– А как ещё это назвать? Нежелательной случайностью? Ошибкой? – его голос звучит пьяно, лениво, но глаза – острее лезвия. Они смотрят сквозь. Как будто он заранее знает, что скажет дальше, как будто ему даже не нужно думать.

И вдруг, на секунду, мне кажется, что он говорит не только о женщинах.

Как будто это касается и его тоже.

Но мысль улетает, потому что он добивает меня последней фразой:

– Если ты играешь во взрослые игры, будь готова к последствиям. А если не готова – не играй.

Он сказал это так спокойно, что я хочу ударить его.

Мы стоим друг напротив друга, и воздух между нами буквально искрит от злости. Он выглядит так, будто готов бросить ещё одно колкое замечание, но я не даю ему шанса.

Я разворачиваюсь и ухожу.

Захлопываю дверь так, что стёкла дребезжат.

Грейсон бесит меня.

Но больше всего меня бесит то, что после этих споров у меня трясутся руки.

Но больше всего – то, что после этих разговоров мне хочется не молчать.

Хочется сказать ещё.

Хотя бы что-то.

Потому что в нём есть трещина. Её почти не видно. Но я её чувствую.

И она – почему-то – не даёт мне покоя.

ГЛАВА 8

Эйвери слишком легко злится. И это слишком весело, чтобы остановиться.

Я не могу сказать, что ставлю перед собой цель довести её до белого каления, но... ладно, вру. Конечно, ставлю. Это слишком просто. Пара колких замечаний, лёгкая усмешка – и вот она уже закипает, в её глазах сверкают молнии.

Она слишком живая.

Я слишком привык к вялым эмоциям, к тусклым разговорам, в которых нет остроты. Эйвери не такая. Она вспыхивает, как спичка, и я каждый раз ловлю себя на мысли, что хочу снова кинуть её в огонь.

Сажу с гитарой за столом и пытаюсь подобрать что-то стоящее. Я курю на кухне, хотя знаю, что её это бесит. Выпускаю дым в потолок и смотрю, как он растворяется.

Дни сливаются в одну размазанную линию. Голова ещё гудит после ночи, но это даже приятно – значит, вчера я не зря убивал себя.

Она заходит на кухню.

Ещё одно отличие между нами.

Она вечно напряжённая, я вечно разболтанный.

Она считает, что всё должно иметь смысл.

Я давно понял, что ничего в этом мире смысла не имеет.

– Очередная бесполезная борьба за справедливость? – лениво спрашиваю, перебирая струны гитары.

– Очередной день бездарного существования? – парирует она, даже не взглянув в мою сторону.

Я улыбаюсь.

Делаю глоток пива, хотя на часах ещё нет и полудня.

Да и какая, к чёрту, разница.

– Ну, кто-то же должен поддерживать баланс во вселенной, – тянусь за сигаретами, опять закуриваю. – Если бы все были такими правильными, как ты, нам бы пришлось пить гораздо больше.

Она закатывает глаза, но я вижу, как уголки её губ чуть дёргаются.

Это игра.

Она тоже знает это.

Я откладываю гитару и делаю ещё одну затяжку.

– Кстати, через пару недель я уезжаю.

Эйвери поворачивается ко мне.

В глазах неожиданный интерес.

– Куда?

– В тур. – Лениво выпускаю дым, наблюдая за её реакцией.

И тут происходит странное.

Она улыбается. Искренне. С облегчением.

– Правда? – её голос звучит чересчур радостно. – Наконец-то хоть тишина в доме будет.

Что-то внутри неприятно сжимается.

Как будто меня ударили в живот.

Я должен смеяться над этим, но почему-то не могу.

Я делаю глоток пива, но оно вдруг кажется тёплым, безвкусным.

– Ты так рада избавиться от меня? – прищуриваюсь.

– Ага. – Она делает глоток кофе. – Будет хотя бы несколько недель нормальной жизни. Без шума, без твоих... гостей, без твоих убогих шуточек.

Я улыбаюсь, но внутри закипает раздражение.

– Может, я передумаю и останусь? – говорю нарочито небрежно.

– Ну уж нет, – усмехается она. – У тебя же огромная толпа фанатов ждёт, чтобы ты снова орал в микрофон про свою бесконечную боль и одиночество.

Я чуть сжимаю челюсть.

Но тут же маскирую это в ухмылку.

– А ты можешь записать пару интервью с никчемными активистами о том, как ты счастлива без меня. Соберёшь кучу просмотров, потому что упомянешь хоть одного реально известного человека. Я тебе даю на это своё разрешение.

– Засунь его себе в зад. Не переживай, я не собираюсь пачкать в таком дерьме свой контент, сколько бы просмотров это не принесло.

Я смотрю на неё исподлобья.

Почему меня так задевает этот разговор?

Я же этого и хотел, да?

Но почему мне хочется заставить её сказать что-то другое?

Я встаю, подхожу ближе.

Намеренно заходя в её личное пространство.

Она не двигается, но я вижу, как её пальцы сильнее сжимают стакан.

Она не отступает.

Хорошо.

– А что ты будешь делать без меня? – голос у меня ниже, медленный. – На ком оттачивать своё остроумие? Или найдёшь нового "монстра", против которого можно бороться?

Она вздёргивает подбородок.

– Думаешь, ты центр вселенной? – её голос капающий сарказмом. – Ты просто мелкий временный раздражитель. Как мерзкий, вечно издающий мерзкие звуки, комар. В мире есть монстры поважнее и поинтереснее.

Я смеюсь.

– Конечно. У тебя ведь идеальная схема, да? Найти кого-то, кого можно разобрать на части и выставить злодеем. Ты живёшь за счёт чужих проблем, Эйвери. Без них ты просто никто.

Она замирает.

Я вижу, как её дыхание становится чуть глубже.

Она резко ставит стакан на стол.

– Ты реально настолько жалкий? – её голос бьёт точно в цель. – Ты пытаешься вывести меня из себя, просто потому что тебе скучно? Или потому что я не восхищаюсь тобой как остальные девчонки? А может потому что я не обращаю на тебя внимание? Смазливый музыкант-однодневка, который боится, что его забудут, как только он уйдёт из комнаты. Именно поэтому ты творишь столько херни напоказ – чтобы о тебе говорили.

Челюсть сжимается.

Горло неприятно тянет, как будто я пропустил стакан дешёвого виски залпом.

Блять.

Она умеет бить.

Она бросает последний взгляд, разворачивается и уходит.

Дверь захлопывается.

Я остаюсь стоять, выдыхая дым.

Понимаю, что хочу, чтобы она вернулась и продолжила этот спор.

Потому что когда она уходит, мне становится слишком тихо и скучно.

Я делаю ещё один глоток пива, но оно вдруг кажется пресным.

ГЛАВА 9

Я не собиралась его слушать. Это произошло случайно.

Я просто шла по коридору, держа в руках ноутбук и стакан кофе, намереваясь засесть за монтаж. В лофте, к счастью, было тихо – редкий момент, когда Грейсон не устраивал вакханалию. Райан где-то зависал с камерой, Лорен сидела в своей комнате и, наверное, рисовала эскизы.

Я уже почти дошла до своей комнаты, когда услышала это.

Гитарный рифф. Глухие удары барабанов.

И его голос.

Меня будто парализовало.

Я замерла у приоткрытой двери в одну из комнат, где размещалась домашняя студия Грейсона. Он редко использовал её, но сейчас оттуда лился звук.

Он репетировал. Или писал что-то новое.

Я знала, что у него тур на носу, но никогда раньше не слышала его так – без толпы, без сценического образа, без огней прожекторов.

Только он и музыка.

Голос – хриплый, срывающийся. Не чистый, не выстроенный – он будто ломался прямо в записи, но от этого становился только ближе.

В нём было что-то сырое, слишком настоящее. Гитара рвала воздух, бас гудел в стенах, и на секунду я забыла, что должна его ненавидеть.

Мне хотелось уйти. Закрывать дверь. Сделать вид, что этого момента не было.

Но я не могла сдвинуться с места.

Он был поглощён этим.

Голова чуть опущена, губы едва заметно шевелятся в такт словам, пальцы ловко бегают по грифу. Он будто забывал, что в лофте есть кто-то ещё.

Это не сцена. Не шоу.

Это что-то личное. Слишком личное.

Чёрт.

Мне нравится его музыка.

Я ненавижу это. Ненавижу себя за это.

Я сжимаю стакан с кофе так сильно, что крышка трещит.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Какого хрена он вообще должен быть в чём-то хорош? Разве он не должен быть просто раздражающим, самовлюблённым ублюдком, живущим в своём хаосе?

Разве он не должен быть просто человеком, которого мне легко ненавидеть?

Но я стою, слушаю и понимаю – это нечто большее.

В этом есть боль. Не поза, не жалоба, не мелодраматичное «смотрите, как мне плохо».

Что-то, что он никогда не скажет вслух.

Это звучит так, будто он разваливается на части, но продолжает играть, чтобы не сломаться окончательно.

Я ненавижу, что слышу это.

И ненавижу, что понимаю.

В этот момент Грейсон открывает глаза.

Всё рушится за секунду.

Его взгляд встречает мой, и вместо хрупких, сырых нот – лишь ухмылка.

Он резко меняется, как будто кто-то щёлкнул переключателем.

– Наслаждаешься, Коллинз? – его голос всё ещё пропитан музыкой, чуть охрипший.
Я моргаю.

Пытаюсь вернуть себе контроль.

– У тебя паршиво выходит, – бросаю я, стараясь звучать безразлично.

Он смеётся коротко, глухо, как будто я сказала что-то до смешного наивное.

– Конечно. Но ты ведь не ушла, да? – он медленно наклоняется вперёд, опираясь на гитару. – Стоишь тут, как фанатка у задника сцены. Давай, Коллинз, может, попросишь автограф?

Я сжимаю зубы.

Раздражение накатывает мгновенно.

– Да пошёл ты, Грейсон.

– Оу, какие мы злые, – он лениво откидывает волосы назад, уголки губ приподняты в насмешливой улыбке. – Значит, слушать можешь, а признать, что нравится, – нет?

– Тебе показалось, – отрезаю я, и мои пальцы сжимаются на стакане так, что он может треснуть.

– Конечно, конечно, – он кивает, но в его глазах пляшет веселье. – Только проблема в том, что я видел твоё лицо. Я видел тысячи таких лиц.

Он встаёт, делает пару неторопливых шагов ко мне.

– Ты втянулась, Коллинз. Тебе нравится.

Я чувствую его слишком близко.

Гитара между нами – единственное, что разделяет пространство.

Мои пальцы сжимаются сильнее. Хочется сказать что-то едкое, но язык прилипает к нёбу.

Я должна уйти. Прямо сейчас.

– Ты чертовски переоцениваешь себя, – выплёвываю я. – И свою музыку.

Грейсон ухмыляется шире.

– А ты чертовски плохо врёшь.

Воздух между нами искрит напряжением.

Его ухмылка только злит меня больше.

Я делаю резкий шаг назад, разворачиваюсь и выбегаю из комнаты, чувствуя, как жар пульсирует в висках.

Чёртов Грейсон.

Чёртова его музыка.

И чёртова я, которая не может её ненавидеть так, как должна.

Как такой мерзкий человек может делать такую музыку?

Я закрываю за собой дверь, сажусь на кровать. Стакан всё ещё в руке, кофе плескается через край. Я не чувствую вкуса. Только звук. Его голос застрял у меня в голове, как заноза. Он пел не для меня. Но я слышала. И теперь уже ничего не могу с этим сделать.

ГЛАВА 10

На кухне пахло кофе и чем-то подгоревшим. Райан стоял у плиты, возился с тостами. Я зашёл босиком, зевнул и ткнул пальцем в кофемашину:

– Ты уже сделал себе?

– Да, можешь использовать, она заправлена, – не обернулся он.

Я налил себе двойную порцию эспresso, уставился в окно.

Там был солнечный, скучный, нормальный день.

Один из тех, которые у меня обычно заканчиваются чем-то странным.

– У вас там что, тур намечается, да? – спросил Райан, как бы между делом.

– Вроде да. Канада. Но даты мутные. Если с организацией не накосячат, будет месяц. Может, больше.

– Канада – круто. Я был зимой. Снимали кампанию на севере. Всё белое. Ни людей, ни связи. Только ты, дроны и три слоя термухи.

– Звучит как рай.

– Скорее как криокамера. Но красиво, да.

Он поставил тарелку с тостами на стол. Я взял один.

Мы молчали. Было тихо. Уютно.

И тут – её шаги.

Лёгкие, чёткие.

Эйвери вошла в кухню. Волосы затянуты в хвост, чёрный топ, обтягивающие легинсы. В руках – бутылка и перчатки, висящие на пальце. Лицо собранное. Как будто не утро, а выход на ринг. Она набрала воду в бутылку и уже развернулась, чтобы уходить.

Я качнул головой:

– Кто-то сегодня получит по роже?

– Груша, – ответила она, не глядя.

– Ну ты, главное, аккуратнее. А то вдруг получишь сдачи.

Она повернулась. Подняла средний палец.

– Грейсон, иди нахуй.

– Уже бегу, только не бей меня.

Она ушла.

Тишина вернулась.

Райан допил кофе. Поставил кружку. Повернулся ко мне.

Смотрел не как обычно. Жёстче.

– Не шути про это.

– Про что именно?

– Про её зал. Про кикбоксинг. Это не просто спорт для неё. Это часть её системы выживания.

Я замер.

– Она не просто ходит бить грушу, Грей. Она так защищается, чтобы всегда быть готовой дать сдачи. Потому что раньше – не могла.

– Раньше?

– Партнёр-абыюзер. Старше на лет десять. Когда ей было девятнадцать. Мы тогда только с ней начали общаться в универе, я не понимал масштаб проблемы. Он её бил. Регулярно. Сломанное ребро, синяки, оторванный контакт с реальностью. Манипуляции, изоляция. Всё по классике.

Я моргнул.

Эта информация просто не вкладывалась в то, что я знал про неё.

Про Коллинз, которая держит ровную спину даже, когда на неё давит потолок.

– Ты серьёзно?.. – выдохнул я.

– Очень. Она не рассказывает никому. Ты уж точно – не тот, кому она даст эту историю в руки. И это нормально. Но я хочу, чтобы ты был в курсе.

Райан подошёл ближе.

– Я знаю, ты не хотел задеть. Но у тебя язык опережает мозг. Так что тормози, пока она сама не напонила, почему ей пришлось учиться защищаться.

Райан смотрел на меня жёстко, но без злости.

– Я серьёзно. Сейчас она может вырубить любого. Не в переносном смысле.

Я фыркнул – машинально.

Он кивнул:

– Без шуток. Я видел, как она работает с тренером. Как бьёт. Это выглядит не просто мощно. Это выглядит, как “я прошла через ад и теперь ломаю всё, что шевелится”.

Он сделал паузу, потом добавил тише:

– Иногда кажется, что она и правда могла бы в одиночку отпиздить банду бандитов. Вот настолько серьёзно она это воспринимает.

– Я не знал, – тихо сказал я.

– Теперь знаешь.

Он положил руку мне на плечо.

Коротко. Жёстко.

– Так что просто не лезь в эту тему.

И вышел.

Я остался сидеть. Кофе стыл.

А внутри – щёлкнуло. Не от вины.

От того, что всё это не вяжется.

С ней.

С образом.

С тем, как она смотрит на меня.

С тем, как разговаривает.

И именно поэтому – теперь меня отпускает этот диссонанс.

ГЛАВА 11

В зале ещё полупусто. Свет приглушённый, воздух прохладный, в нём всё тот же знакомый запах кожи, старого пота, мела и влажного пола после утренней уборки. Я завязываю бинты, начиная с левой руки – там всегда чуть больше напряжения. Уже привычная ткань скользит по коже, ложится плотно, послушно, как вторая кожа. Не нужно думать. Только двигаться. Только вдыхать и повторять всё по отработанному плану.

Тренер мелькает в зеркале, кивает, но не подходит. Он давно понял, когда я настроена на контакт, а когда нет. Сегодня – нет. Я здесь, чтобы работать, чтобы выгрузить из себя остатки напряжения, не анализируя. Он это чувствует.

Я выхожу на дорожку. Надо разогреться. Начинаю с коротких движений, проверяю дыхание. Внутри всё ещё тяжело после вчерашнего – не от тренировки, от тишины, в которой иногда слишком много мыслей. Я бью мягко, потом чуть жёстче, тело разогревается быстро. Мышечная память надёжна, она не спорит, не задаёт вопросов, просто делает, что умеет. В этом есть хоть какая-то уверенность.

Через пару серий я ухожу в темп. Движения становятся точнее, дыхание – ровнее. Всё как надо. И именно в этот момент из раздевалки раздаётся музыка. Не громко, но достаточно, чтобы звук долетел до меня – сначала гитарная подводка, потом голос.

Я знаю этот голос.

Я знаю этот трек.

Он выпущен давно, стал хитом, от которого некуда было деться. Тогда я еще не была знакома с Грейсоном, не особо знала, какой он засранец. Мне просто нравилась его музыка. Вот эти все гипертрофированные страдания, его надрывный голос, они отлично ложились в мое состояние, полное жалости к себе.

Я продолжаю бить, но почему-то внутренне сбиваюсь. Это уже не про песни. Это про то, почему я здесь, в этом зале.

В горле першит. Запястья напрягаются. Дыхание становится резче.

И тогда – тело вспоминает. Само.

Ты стоишь перед зеркалом в ванной. Щека опухла. Под глазом краснеет, налившись тусклым багровым. Он уже ушёл. Ты слышишь, как хлопнула входная дверь. Он оставил тебя, как всегда – после. Без объяснений, без извинений, с этим вечным ощущением, что ты сама виновата.

Ты держишься за край раковины так сильно, что белеют пальцы.

Тело болит не сильно. Но внутри – пусто. И стыдно.

Стыдно, что осталась. Что опять поверила. Что опять дала себя коснуться.

Я бью сильнее. Без злости – с выученной точностью.

Боль, напряжение, сосредоточенность – всё идёт в руки.

Песня Window Left Open продолжает играть на фоне. Его голос. Тот тон, который всегда наполовину исповедь, наполовину притворство. Как будто он просит, чтобы его пожалели. А сам же первый режет.

Ты сидишь на полу, в коридоре, в одной из его рубашек. На ногах – синяки. Под ногтями – кровь, от того, что слишком сжала кулаки. Он сказал, что ты истеричная. Что ты усложняешь. Что ты опять начинаешь спектакль на пустом месте.

Ты молчишь. Потому что если начнёшь говорить – придётся признать, что это не случайность. Что это уже давно стало системой.

И ты боишься. Не его. Себя.

Боишься, что, если уйдёшь, всё это останется с тобой. Что он был прав – и ты действительно ничтожество.

Песня доходит до финала. Куплет. Припев. Небрежный бридж. Тишина.
Я сажусь у стены. Снимаю перчатки, кладу их рядом. Вытираю шею, пью воду.

Никто не заметил, как меня прошило. И слава богу.

Иногда я забываю, что мои реакции всё ещё живы. Что прошлое – это не то, что можно сдать в архив. Оно продолжает звучать в теле. В плечах, в шее, в сухожилиях. В каждом движении. И особенно – в том, как я реагирую на тех, кто лезет, не спросив.

Я не сержусь на парня, включившего песню.

Я даже не сержусь на Грея.

Я просто устала от того, что его голос слишком громкий. Что даже молча – он звучит. Даже если не для меня. Всё равно – в меня.

Я снова встаю. Возвращаюсь к груше.

Выстраиваю стойку. Проверяю дыхание.

И продолжаю.

Потому что всё остальное – это шум.

А я научилась жить в тишине.

В своей.

ГЛАВА 12

Всё раздражало.

Тембр голоса звукоинженера, частота кика, стул, который скрипел, как будто издевается.

Музыка не писалась. Всё звучало как будто мимо.

Всё, что выходило из колонок – было будто из головы, в которую я не хочу возвращаться. Я пролистал сессию, закрыл всё к чертям и встал.

– Перерыв, – сказал в воздух. Никто не возразил. Даже я.

В гримёрке открыл Инсту.

Запросов, как всегда, море.

Остановился на одной – симпатичная, влюблённая, пишет без ошибок. Уже плюс.

"Привет. Есть планы на вечер?"

Ответ пришёл почти сразу.

"Ради тебя я отменю любые планы!"

Она была предсказуемой.

Бар – формальность. Смех – фальшивый. Истории про то, как "твои тексты – будто про мою душу" – в десятый раз.

Я отвечал вежливо. Почти доброжелательно. Купил ей выпить.

Сказал прямо: "поехали ко мне". Она только кивнула.

Трахались спокойно.

Без надрыва, без театра.

Она была внимательная, нежная. Слишком старалась, но это не раздражало. Просто напоминало, что для неё это – важнее, чем для меня.

Я делал всё, как умею. Ровно. Без шороха внутри.

Не было ни желания кого-то покорить, ни попытки спрятаться.

Просто секс. Просто вечер, в котором не нужно было говорить.

После она лежала рядом. Немного ближе, чем надо.

Я не отодвинулся, но и не обнял.

– Спасибо, – сказала она тихо. – Я... ну, это не просто секс для меня, ты понимаешь?

Мне не надо от тебя ничего. Просто... это был мой способ сказать себе, что я могу.

Я кивнул. Без слов.

Просто потому, что понял.

Я слышу подобное не первый раз.

Она встала сама. Без вопросов. Без намёков на "ещё увидимся".

Переоделась.

Оглянулась на пороге.

– Ты был добрее, чем я ожидала.

И это, если честно, самое ценное.

Я проводил её взглядом. Не стал спрашивать имени. Не потому что наплевать. Просто это был вечер без продолжения. Зачем мне ей врать?

Когда дверь за ней закрылась, я лёг.

И вырубился сразу.

Без мыслей.

Без шума в голове.

Я проснулся посреди ночи от какой-то странной духоты. Вышел на крышу, потому что задыхался в лофте.

Воздух был густой, как будто стены начали дышать вместе со мной – и не в такт.

А она уже там.

Стоит у перил, в тонкой футболке, сигарета в пальцах, взгляд – в никуда. Свет от города рисует её лицо в полутоне: скула, нос, ресницы – чётко, всё остальное – размыто.

– Ну надо же. И ты здесь, – говорю, подходя ближе.

– О, привет, Митчелл, – отвечает, даже не глядя. – Не знала, что ты вообще умеешь подниматься с кровати без фанаток и аплодисментов.

– Сегодня исключение. Я решил сделать подарок небу – своей скромной персоной.

– Надеюсь, оно тебя заберёт.

Я усмехаюсь.

– Ты всегда такая добрая? Или только ко мне?

– Такая я только для тебя. Ты занимаешь особое место в моем сердце.

Я вытаскиваю сигарету, зажигаю молча. Несколько секунд просто стоим рядом. Она чуть отворачивается, но не уходит.

Я докуривал. Уже хотел идти, когда вдруг сказал:

– Поехали покатаемся.

Она медленно поворачивается, прищуривается.

– Что? На чем?

– Спустимся на парковку. Я заведу машину. Просто поедем. Воздух, скорость, фонари. Хуй знает зачем, просто хочется.

– Я даже не знала, что у тебя есть машина.

– Видишь, как много тебе предстоит узнать обо мне.

– Не то что бы я хотела.

Я делаю шаг к выходу.

– Решай быстрее, пока я не передумал.

– А ты точно трезвый?

– Да.

– Поехали.

Мы молча доходим до лифта.

И вдруг это простое "поехали" становится самым легким согласием за всю нашу историю.

ГЛАВА 13

Я не знаю, зачем согласилась. Может, потому что было поздно, и в голове за день разлетелись все фильтры. Может, потому что устала воевать. А может, потому что его голос прозвучал не как обычно.

Он шёл рядом со мной к лифту, не торопясь. Не шутил. Не провоцировал. Просто молча шёл, а я молча шла рядом.

На парковке оказалось, что у него не просто есть машина. У него их три.

– Это что, памятники твоему эгоизму? – фыркаю, упираясь руками в бока. – Porsche, Mercedes и... что это вообще?

– Maserati, – лениво отвечает он. – Как видишь, у меня проблемы с самоконтролем и хороший вкус.

– А как ты её выбирал? По количеству нолей в ценнике?

– Я выбирал по цвету. Чтобы красиво отражалась ночная тоска.

– Тебя стоило бы штрафовать за каждую патетичную фразу. Зачем тебе аж три тачки, Грейсон?

– Потому что я люблю ездить. И потому что деньги – штука скучная, если не сжигать их на то, о чем ты всегда мечтал.

Он открывает пассажирскую дверь.

– И, кстати, я не сажусь за руль пьяным. Почти никогда.

– Ура, моральный ориентир во плоти, – говорю я, усаживаясь. – Прямо-таки образец социально ответственного алкоголика.

– Знаешь, с каким выражением лица ты это сказала?

– С таким, каким я смотрю на просроченное молоко.

Он смеётся. Не громко. И не как обычно – не едко, не с вызовом. Просто смешно ему.

Мне почему-то тоже.

Едем долго. Город за окном живой. Красный, жёлтый, белый. Стёкла ловят неон, как мокрая плёнка. Он не включает музыку. Я тянусь к магнитоле.

– Включай уже что-нибудь.

– Только не мои треки, – сразу говорит он.

– А ты думал, я их включу?

– Обычно все именно так и делают. Особенно после секса или перед ним.

– Ну, к счастью, у нас не тот случай.

– Это пока.

Он смотрит в мою сторону, коротко.

Я закатываю глаза. Он улыбается. Почти непроизвольно.

Я наугад выбираю плейлист. Что-то гитарное, меланхоличное, не его. Он не возражает.

– Удивительно, что ты вообще не слушаешь себя. Учитывая твою скромность.

– Я слишком хорошо знаю, что внутри этих песен. Не хочу туда возвращаться.

Мы останавливаемся на светофоре. Он открывает окно. Глотает ночной воздух, как будто ему нужно что-то, чтобы остаться в сознании. Он выглядит уставшим.

– Ты хоть когда-нибудь отдыхаешь? Спишь нормально? – спрашиваю.

– Только когда срываюсь. В рехабах обычно высыпаюсь.

Он смотрит прямо вперёд.

– А ты? Ты всегда выглядишь будто куда-то опаздываешь.

– Я?

Я откидываюсь на спинку.

– Ну я действительно всегда боюсь чего-то не успеть или пропустить.

Он усмехается.

– Ты – ненормальная, Коллинз.

– А ты – человек, который пугает меня тем, как быстро из самовлюбленного козла он может стать нормальным. И обратно.

– Потому что я хорошо маскируюсь.

– Не думаю, что это маска.

Он не отвечает. Просто едет дальше. Пальцы на руле двигаются в такт музыке.

Мы останавливаемся у какого-то пустого перекрёстка, под вывеской "Deli 24". Он выходит первым, обходит машину, открывает мою дверь.

– Галантность от тебя – это подозрительно.

– Просто хочу первым оказаться в зоне видимости камер, если ты решишь меня прикончить.

– На фоне твоей Maserati? Даже не мечтай. Я бы не смогла жить с такой ответственностью.

– Это Porsche. Maserati осталась в гараже.

Мы заходим внутрь. Он берёт себе кофе, я – воду. На кассе он на автомате платит за двоих.

– Не думаю, что на мою бутылку была подписка "Грей митчелл платит за всех".

– Можешь отдать мне деньги, если твоей феминистской сущности станет от этого спокойнее.

В машине он открывает бардачок, чтобы взять сигареты, и оттуда выпадает сложенный вчетверо детский рисунок.

– Это ещё что?

Он бросает взгляд.

– Фанатка. Маленькая. Подарила после концерта в Сиэтле. Это было через несколько недель после того, как я передознул и попал в реанимацию в очередной раз. Сказала, что я её кумир и что у неё папа тоже умер.

Я медленно разворачиваю бумагу. Человечки из палочек, сцена, крошечная фигурка с гитарой, надпись:

"Грей, не умирай"

У меня внутри щёлкает что-то странное. Я кладу рисунок обратно.

Он закрывает бардачок.

– Я не умираю, если ты об этом. Не грусти.

– Не думаю, что мне может так повезти.

Он ухмыляется. Но в глазах – что-то другое.

Что-то более глубокое.

Когда подъезжаем обратно, в лофте горит одно из окон. Райан, наверное, вернулся.

Грей ставит машину на место. Несколько секунд мы сидим молча. Он не глушит двигатель.

– Было странно, – говорю я. – Но не плохо.

– Я всегда стремлюсь к "не плохо". Это мой потолок.

– Я не собираюсь тебе льстить, Грейсон.

Он поворачивает ко мне голову.

- Ты могла бы и не соглашаться.
- Да, могла бы.
- Почему согласилась?
- Я открываю дверь.
- Не знаю. У меня был тяжелый день. И просто...

Я выдыхаю.

- ...в тот момент это показалось очень интересным вариантом. А это говорит многое. Например, что у меня отказал инстинкт самосохранения.
- Он не смеётся. Просто кивает.
- Ещё покатаемся?
- Посмотрим, – говорю.

ГЛАВА 14

Я понятия не имею, как ужин превратился в поле боя, но это произошло.

Хотя, если честно, я знал, что так будет. Даже хотел. Потому что где я и Эйвери, там всегда начинается война.

Всё началось невинно – шум, алкоголь, музыка. Лорен что-то рассказывала о новых эскизах, Райан показывал какой-то смешной ролик, и всё шло нормально.

Но стоило кому-то вкинуть тему политики, как атмосфера накалилась быстрее, чем вискарь в моём стакане.

– Ты не можешь отрицать, что движение BLM изменило общественное сознание, – Эйвери скрестила руки на груди, её взгляд метко сверлил какого-то парня напротив. – Это не просто тренд, это реальный шаг вперёд.

Я усмехнулся, сделав глоток.

О да. Сейчас начнётся. Погнали.

– Да, шаг вперёд, который превратился в модное явление, где белые либералы отмывают свою совесть, постя чёрные квадраты в инсте, – лениво бросил я, наклоняясь вперёд. Лёд в моем стакане дребезжит. – Реальные проблемы никуда не делись. Разве что стало выгоднее об этом говорить.

Райан нервно кашлянул. Кто-то за столом поёрзал, но Эйвери не двинулась с места.

Её спина выпрямилась. Лицо изменилось.

Как будто я только что лично оскорбил её личное существование.

– Значит, по-твоему, борьба за права – это маркетинговая стратегия? – её голос был низким, напряжённым, почти шипящим.

– А разве нет? – я склонил голову набок, медленно, как кот, наблюдающий за мышью.

Посмотрите на неё.

Огненные волосы собраны в небрежный пучок, несколько прядей выбились, выветленные на концах. Чёткие скулы, лёгкий румянец на щеках – то ли от злости, то ли от алкоголя. Широкие джинсы, чёрная футболка с какими-то странными котами, тёмные ногти. Сейчас икона феминизма взорвется.

Губы сжаты в тонкую линию, но глаза – самое интересное.

Карие, но яркие, как будто внутри что-то их подсвечивает.

Всё в ней сейчас напряжено.

Она готова к драке.

Прекрасно.

Я наклоняюсь ближе, мой голос становится тише, но не мягче.

– Посмотри на корпорации, которые ставят радужные логотипы на один месяц в году, но при этом используют детский труд в третьих странах. Или на звёзд, которые делают щедрое пожертвование, потому что это хорошая реклама. Если ты не видишь в этом игры, ты чертовски наивна. Или просто дура.

Она резко ставит бокал на стол.

Глухой удар.

Я вижу, как её пальцы сжимаются в кулак.

– То есть ты говоришь, что все, кто выходил на улицы, рисковал, кто протестовал – просто участники шоу? Ты серьёзно сейчас?

Я пожимаю плечами.

– Я говорю, что за любым движением стоит что-то большее, чем красивые лозунги. Миром всегда управляли деньги. Если ты думаешь, что кто-то там наверху внезапно решил стать хорошим, потому что люди вышли с плакатами, ты живёшь в сказке.

Она покачала головой, её губы сжались в тонкую линию.

Это удобно.

Мне нравится.

Когда люди злые, они честнее.

– Это такой удобный цинизм, да? Просто сказать: "Всё продажно, всё бессмысленно", и сидеть, пьянствовать, ни за что не отвечая. Ты только и можешь, что критиковать. Но сам ты хоть что-то сделал? Хоть раз? У тебя же денег до усрачки, ты хоть раз что-то жертвовал?

В комнате повисла тишина.

Я медленно усмехнулся.

– Я, в отличие от тебя, не строю из себя спасителя человечества. Не бегаю с камерой, выискивая, где можно добавить драматизма ради просмотров.

– Ах, ну да, ты же выше этого, верно? – она резко наклоняется вперёд, в её глазах полыхает что-то дикое. – Ты просто сидишь в своём вечном запое, как жалкий обдолбанный зомби, срываешь голос на сцене и считаешь, что твой псевдо-экзистенциальный бред – это великая истина.

– А ты, значит, много чего меняешь? – мой голос становится тише, но жёстче.

Она не моргает.

Хорошо.

– Ты сидишь в своей чёртовой кофейне, с камерой наперевес, берёшь интервью у людей, которые несут ровно тот бред, который ты хочешь услышать. Ты ничем не лучше корпораций, которые отмывают себе репутацию. Только у тебя нет миллиона долларов – у тебя только тщеславие и потребность чувствовать себя лучше всех.

Её ладонь ударяет по столу.

Резко. Громко.

Кто-то вздрагивает.

– Да пошёл ты нахер, Грейсон! – её голос срывается, но не в слабость – в ярость.

– Ты просто боишься признать, что ты уже давно не бунтарь. Ты клише. Взрослый мужик, который прячется за алкоголем, сарказмом и своими никчёмными подростковыми философиями, потому что боится посмотреть в зеркало и увидеть, что он пустой и никому не нужный.

Что-то внутри хрустит.

Я улыбаюсь, но ощущаю, как зубы сжимаются слишком сильно.

– А ты строишь из себя святую, потому что боишься, что без этой миссии у тебя не будет вообще никакой цели в жизни. Тебе плевать на правду. Тебе просто нравится думать, что ты лучше других. Я уверен, в глубине души тебе насрать на то, что ты так рьяно защищаешь.

Она бьёт.

Всего лишь пощечина, но щека вспыхивает болью, резкой и горячей.

Не зря она ходит на бокс или куда-то там.

Отлично.

Я медленно провожу языком по внутренней стороне губы, пробуя медный привкус злости.

– Чувствуешь себя лучше? – мой голос почти шёпот.

Она сжимает кулаки, но ничего не говорит.

Просто разворачивается и уходит.

Дверь громко хлопает.

Тишина мёртвая.

Я беру стакан, допиваю остатки виски и усмехаюсь.

– Ну, хотя бы не скучно.

ГЛАВА 15

Я не могу выкинуть наш разговор из головы.

Он горит во мне, как дотлевающая сигарета, как глоток слишком крепкого алгоголя.

Его слова, его ухмылка, его дерьмовая, снисходительная манера говорить со мной – так, будто я ребёнок, который ничего не понимает в этом мире.

Грейсон думает, что он недосыгаем.

Думает, что его цинизм делает его выше всего этого. Думает, что может бросать свои ядовитые реплики, и они просто исчезают в воздухе, оставляя после себя только привкус дыма и виски.

Но нет.

Я не позволю этому остаться без ответа.

Я сижу в своей комнате, свет от экрана ноутбука режет глаза.

Передо мной открыта новая заметка.

Рабочее название: "Гнилые голоса поколения".

Пальцы ударяют по клавишам быстрее, чем я успеваю думать.

Гнев бежит прямо в текст, горячий, необратимый.

Я не называю имён, не делаю прямых намёков, но каждый, кто знает, о ком речь, поймёт.

Это не просто пост. Это анонс. Пока я не знаю, как и какой материал я буду готовить.

Но я потом обязательно разберусь.

"Они кричали о бунте, но продались первыми.

Они писали о боли, но теперь их боль – только похмелье после закрытой VIP-вечеринки.

Их песни когда-то разрывали глотки, а теперь просто играют фоном в барах, где менеджеры среднего звена напиваются после работы.

Эти бывшие революционеры носят дорогие ботинки и говорят о "жестокой реальности" из своих пентхаусов с панорамными окнами.

Им больше нечего сказать, поэтому они цепляются за свою ненависть.

Они ненавидят перемены, потому что знают – в новом мире им нет места.

Они плюются в феминисток, потому что знают: раньше их сходило с рук гораздо больше, чем теперь.

Они насмеются над движением BLM, потому что им страшно признать, что их привилегии больше не работают по умолчанию.

Они называют молодых музыкантов "слабыми", потому что видят в них талант, которого у самих давно нет.

Они кричат про цензуру, потому что их не зовут на интервью.

Они называют женщин "снежинками", потому что раньше никто не осмеливался назвать их ублюдками.

Они смеются над теми, кто пытается изменить мир, потому что они сами давно выбрали быть мусором этого мира.

Они больше не голоса поколения.

Они – его паразиты.

Я не называю имён.

Но если кто-то узнает себя – поздравляю, это не просто так.

Я скоро разберусь в этом."

Я перечитываю написанное и чувствую, как внутри всё бурлит.

Как будто меня заперли в комнате, полной дыма.

Грейсон уезжает в тур завтра.

Отлично.

Он исчезнет из моего пространства, и мне станет легче дышать.
Я вычищаю текст, делаю его ещё более отточенным, точным, словно лезвие.
Нужно выждать 24 часа. Нельзя отправлять пост на горячую голову.

Через два дня Твиттер взрывается.
В комментариях кто-то яростно защищает меня, кто-то кричит про "цензуру" и "охоту на ведьм".

Кто-то пытается разгадать, кого я имела в виду, но те, кто знают, – знают.
Лента горит, уведомления не замолкают.
Я закрываю ноутбук, но это не помогает – текст уже живёт своей жизнью.

Поздно ночью.
Я уже собираюсь лечь спать, когда телефон взрывается входящим голосовым.
От Грейсона.
Я замираю, смотрю на экран, как будто он может загореться.
Потом делаю глубокий вдох и нажимаю "воспроизвести".
Глухая музыка. Чей-то смех.
А потом его голос – пьяный, ленивый, тянущийся, будто он только что затянулся сигаретой.

– Кол-ли-инз... – Он растягивает мою фамилию, будто пробует ее на вкус. Голос ленивый, наглый, тянущийся. – Ты, конечно, сука талантливая. – Пауза. Затем смех, тёплый, хриплый, почти дружеский, но в нём скрыто что-то липкое, что-то тёмное. – Мне даже немного жаль, что ты так меня ненавидишь.

Глухой смех.
Чей-то голос на заднем плане. Женский.
Она спрашивает что-то, и он отмахивается.
– Да нет, детка, это не тебе. Это одной ебучей моралистке, которая думает, что может меня заткнуть.

Меня передёргивает.
– Ты правда думала, что я это не прочитаю? – Он фыркает. – Читаю.
И знаешь что?
Это забавно.
Ты такая дохрена предсказуемая, Коллинз.
Написала красиво, но в корне не права.
Пауза.
– Хочешь меня "отменить"? Хочешь что-то раскопать? Ох, детка, ты опоздала лет на десять.

Громкий стон. Женский.
Меня пронзает холодный, колющий удар по позвоночнику.
Чёрт.
Чёрт.
Чёрт.
Я ненавижу это.
Ненавижу его за то, что он прислал мне это.
Ненавижу её за этот звук.
Ненавижу себя за то, что меня это вообще задело.
– Ах да, не обращай внимания, я немного занят. – Грейсон хрипло смеётся.
– Но я просто не мог не ответить. Ты ведь ждала, да? Ждала реакции? Ну так вот она.
В голосе у него насмешка.

Но есть ещё что-то.

Что-то едва уловимое.

Интерес?

Я срываюсь с кровати, бросаю телефон на стол, как будто он обжёг мне руки.

Сердце стучит где-то в горле.

Я не злюсь.

Я в бешенстве.

Я ненавижу его за то, что он делает это.

За то, что он вообще мне пишет.

За то, что даже из другого города, даже пьяный, даже во время секса, он всё ещё находит способ вывести меня из себя.

Но больше всего я ненавижу себя за то, что часть меня была рада услышать его голос.

Я хватаю телефон.

Удаляю голосовое.

Выключаю экран.

Я больше никогда ему не отвечу.

Я повторяю это снова.

И снова.

И снова.

Только вот мы оба знаем, что это ложь.

ГЛАВА 16

Она ударила.
Я прочитал её пост раз пять.
Потом захлопнул ноутбук, выругался.
Потом открыл снова.
И снова.
Сначала со злостью.
Потом со скучающим интересом.
Она не назвала меня прямо, но и не надо было.
"Гнилые голоса прошлого, которые нужно отменить."
Вот так?

После всех этих споров?
После всех этих разъедающих ночей, когда мы стояли друг напротив друга, впивались словами так, будто могли разодрать друг друга на части без единого удара?
Она правда думала, что я просто забуду?
Что я пожму плечами и пойду дальше?
Конечно, я пошёл дальше.
Просто перед этим я немного развлёкся.

Я перечитал всё, что она когда-либо писала.
Каждую колонку.
Каждый пост.
Даже самые старые, ещё когда её никто не знал.
Не потому что меня жрала обида.
Потому что я хотел разобрать её по косточкам.
Она всегда строит из себя моралистку, журналистку с миссией, но никто не может быть таким ёбаным святым.
Где-то должна быть трещина.
Где-то должна быть ложь.
Я искал этот момент.
Хотел поймать её на лицемерии, но чем больше читал, тем больше злился.
Потому что она реально верит во всё это дерьмо.
Не продаёт, не юлит – реально верит.
А таких сложнее всего разьебать.

Я не переставал пить.
Голове плевать на пределы, всё в ней плыло, но это даже помогало.
Я слал ей голосовые.
Она только посылала меня в ответ.
– Коллинз, ну признайся, ты же хотела зацепить именно меня?
Ты ждала, что я прочитаю.
Ну?
Поздравляю.
Прочитал.
А теперь скажи мне, ты хоть раз задумывалась, что, может, твоя правда – это просто красиво упакованная ложь?
Она оставила мне одно сообщение.

Одно-единственное.
"Отъебись, Грейсон."
Я рассмеялся.
Залпом допил виски.
Удалил её номер.
Потом снова записал.
Потом снова удалил.

Женщины сменяли друг друга.
Я вообще о ней не думал в этот момент.
Я думал только о себе.
Об ощущении их ногтей на спине.
Об их горячем дыхании на шее.
О том, как они стонут, как выгибаются.
Потому что это единственное, что хоть немного похоже на жизнь.

На сцене – другое дело.
Там я настоящий.
Я беру в руки микрофон, и мне плевать на всё.
На сцене я бог, и мне не нужен никто.
Свет слепит, гитара врзается в рёбра, я кричу в микрофон, разрываю голос, срываюсь в толпу, отдаю себя целиком.
Басы отдают в грудную клетку, толпа орёт, свет режет глаза.
Я выкладываюсь так, как будто могу испепелить всех нахрен одной своей яростью.
Мне плевать на хейт.
Плевать на её посты.
Я на сцене, а она просто зритель.

Но когда концерт заканчивается, я снова перечитываю этот грёбанный текст.
И понимаю, что почему-то это меня всё-таки задевает.
Но не так, как она думает.
Я не убиваюсь.
Не страдаю.
Я просто злюсь.
Потому что если уж кто-то и должен был меня "разебать", так это не она.
Она не должна была быть умной.
Она не должна была быть резкой.
Она не должна была говорить правду.
Но она, блядь, сказала.

И это раздражает больше всего.

ГЛАВА 17

Я не сразу понимаю, что он тоже здесь.

Фестиваль кипит, как растрёпанный улей. Толпа плотно сжата, воздух густой от пота, дыма и дешёвого пива. Голоса сливаются в гул, ритмичный, глухой, как биение сердца под барабанами. Где-то орёт гитара, кто-то визжит, кто-то ржёт, кто-то уже не стоит на ногах.

Я здесь не ради шоу.

Я здесь по работе.

Меня отправили взять интервью у Vicious Riot – панк-группы, взорвавшей соцсети своей яростью, протестными текстами, резкими заявлениями.

Они – новое поколение.

Те, кто не боится говорить прямо.

Но потом я слышу знакомое имя.

Грейсон.

Моя кожа покрывается мурашками.

Он в лайнапе.

Он здесь.

На этом же фестивале.

Я не должна обращать внимание.

Мне плевать.

Он уехал в тур, удалил мой номер (или нет?), слал мне свои пьяные голосовые, трахал очередную фанатку.

Мы больше не существуем в одной плоскости.

Да никогда и не существовали.

Но я задерживаюсь за кулисами дольше, чем следовало бы.

Я говорю себе, что просто изучаю атмосферу.

Просто ловлю вайб толпы.

Просто анализирую аудиторию.

Но когда звучит первый аккорд,

Я застываю.

Он выходит на сцену, и всё пространство меняется.

Как будто воздух стал тяжелее.

Как будто он вытягивает на себя свет, звук, дыхание толпы.

Как будто он центр этой грёбаной вселенной.

И я ненавижу это.

Свет выхватывает его из темноты.

Высокий.

Худой.

В рваных джинсах, в чёрной майке, облепившей его грудь и руки, испещрённые татуировками.

Волосы растрёпаны, тёмные пряди падают на лоб, на глаза.

Сигарета в уголке губ, которую он не торопится стряхнуть.

Словно вся сцена – его личная курилка.

Он берёт микрофон, подносит к губам.

И тогда я слышу голос.

Глухой, глубокий, пропитанный сигаретами и виски.

Хриплый.

Раздирающий, как рваная ткань.

Голос, который режет по живому.

Голос, в котором вся злость, вся боль, весь грёбанный мир, который его разочаровал.

И я ненавижу, что он снова действует на меня.

Я стою в полумраке за кулисами.

Я должна уйти.

Я не двигаюсь.

Толпа гудит, ревёт, давит.

Грейсон движется резко, порывисто, как будто ему тесно в своём теле.

Гитара врезается в рёбра, он падает на колени, кричит в микрофон, как будто может разорвать глотку.

Это не просто концерт. Это акт самоуничтожения.

Его взгляд скользит по толпе.

Толпа шумит, гудит, ревёт.

Он поворачивает голову.

Натыкается на меня.

Он замирает.

На секунду.

Совсем на секунду.

Но этого хватает.

Он начинает петь так, будто весь зал исчез.

Будто весь этот чёртов фестиваль растворился.

Будто он поёт только для меня.

Я знаю, что это глупо.

Я знаю, что он играет.

Он любит давить.

Он любит манипулировать.

Он любит раскачивать меня, как наживку на крючке.

Но когда он приближается к микрофону,

Когда его голос становится почти интимным,

Я чувствую себя так, будто он говорит со мной.

"Ты ведь так ненавидишь меня, Коллинз..."

Тогда почему всё ещё слушаешь?"

Эти слова звучат только в моей голове.

Но я вижу их в его глазах.

На последнем припеве он разрывает голос, выкрикивая строки, вложив в них всё, что у него есть.

Он падает на колени, волосы падают на лицо, гитара орёт вместе с ним.

Толпа ревёт.

Музыка стихает.

Он остаётся сидеть на краю сцены, тяжело дыша.

Потом подносит микрофон ко рту.

Срывается на короткий смех.

И говорит:

– Соскучилась?

Я замираю.

Это понимает только он.

И только я.

Грейсон поднимает голову, прямо в мою сторону.

Он знает, что я слышу.

Он знает, что я понимаю.

Он знает, что сказал это именно мне.

Я не жду, пока он что-то сделает.

Я разворачиваюсь и ухожу.

Пока он не догнал.

Пока он не успел сказать что-то ещё.

Пока я не успела почувствовать что-то, чего не должна.

ГЛАВА 18

Она думала, что я её не замечу. Думала, что сможет спрятаться в тени за кулисами, стоять там, слушать меня, выпитывать каждую ноту – и я этого не увижу?

Чёрта с два.

Я видел всё. Как её дыхание сбилось, как пальцы сжали край её грёбаного блокнота. Как она пыталась держаться прямо, но её взгляд выдавал её с потрохами.

Когда я сказал это в микрофон – "Соскучилась?" – я почти услышал, как её пульс сорвался.

И теперь мне нужно её найти.

Я пробираюсь сквозь лабиринт коридоров за сценой.

В ушах ещё гудит звук концерта, тело всё ещё разогрето адреналином, виски бурлит в крови.

Люди то и дело хлопают по плечу, кто-то пытается заговорить, кто-то суёт телефон для селфи.

Но всё это – фон.

Я вижу её раньше, чем она замечает меня.

Стоит у выхода из технической зоны, слегка нахмурившись, пальцы быстро двигаются по телефону.

Пытается выглядеть занятой. Пытается не думать обо мне.

Только вот я знаю, что именно это она и делает.

Я подхожу ближе, лениво прислоняясь к стене рядом с ней.

– Коллинз, – тяну я, – Так всё-таки моя фанатка? Ты же знаешь, что это уже не стадия отрицания, да?

Она резко вскидывает голову, глаза сверкают гневом.

Но я вижу, как её пальцы чуть крепче сжимают телефон.

– Уйди, Грейсон.

Я ухмыляюсь, делая шаг ближе.

Она не отступает, но её челюсть напрягается.

Она думает, что сможет меня сломать взглядом? Забавно.

– Видел тебя там, – голос мой ленивый, но цепкий, обволакивающий. – Смотрела так, будто хотела сожрать меня глазами.

Я наклоняюсь ближе, так, чтобы почувствовать её дыхание.

– Признайся, Коллинз, скучала?

Она дёргается, но остаётся на месте.

Я понижаю голос, почти шёпотом.

И начинаю петь.

Медленно.

Глухо.

Тот же мотив, который я орал со сцены, но теперь он звучит мягче, интимнее.

Я вижу, как мурашки пробегают по её шее.

Она стоит слишком неподвижно.

Как будто пытается убедить себя, что это не действует.

Но действует.

Я вижу это.

– Ты больной, – бросает она, голос срывается, – Отвали.
Резкий шаг назад – и она срывается с места, словно её выстрелили из катапульты.
Исчезает за углом, оставляя за собой запах духов и чего-то ещё —
чего-то слишком знакомого.

Я не пытаюсь её удержать.
Просто смотрю ей вслед.
Она может сбежать.
Может убеждать себя, что ненавидит меня.
Но я видел всё.

ОТЕЛЬ.
Ночной бар.
Пара стаканов виски.
Всё звучит приглушённо, как в тумане.
Я сижу на краю кровати, перебирая струны гитары.
На прикроватном столике набитая пепельница, недопитая бутылка, телефон.
Футболка прилипла к спине, мышцы ноют, голос охрипший.
Сигарета дымится в пальцах, но я даже не делаю затяжку.
Просто смотрю в одну точку.
Я нажимаю на запись.
Голос садится, но это делает его только глубже, интимнее.
В паузах слышно, как я провожу пальцами по струнам, как щёлкает зажигалка.
– Для тебя, Коллинз. – медленно начинаю я.
Перебираю струны.
Мелодия плавная.
Цепляющая.
Проникающая под кожу.
– Не пытайся выключить. Ты всё равно дослушаешь до конца.
Я отправляю сообщение.

Жду.
Минута.
Две.
Пять.
Она не отвечает.
Но через десять минут оно помечено как "прослушано".
Я усмехаюсь.
Она думает, что это конец?
Я кладёт телефон рядом, но рука всё равно тянется к нему снова.
Гашу сигарету, закрываю глаза, но внутри всё равно гудит.

ГЛАВА 19

Я привыкла к критике. Это часть работы.

Ты лезешь в грязь, разбираешь чужие грехи, раскрываешь неудобные темы – и в ответ тебе плюют в лицо. Так устроено. Так всегда было.

Но этот раз был другим.

Я не могла сосредоточиться. Бродила по квартире, потом легла прямо на пол – между кроватью и стеной, облокотившись на шершавую фанеру. Телефон был в руке, экран светился – очередной поток комментов, постов, сториз. Всё с моим лицом, с нарезками из интервью, с подписями в духе: "манипуляторша", "журналистка с комплексом бога", "её давно надо было разоблачить".

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.